СМОТРИТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ ОТ BLUMHOUSE
ДЖО ХИЛЛ
ЧЕРНЫЙ ТЕЛЕФОН
КОЛЛЕКЦИЯ РАССКАЗОВ
ПРИЗРАКИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Fanzon. Наш выбор

Джо Хилл

Черный телефон

«Эксмо»

2005, 2007

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хилл Д.

Черный телефон / Д. Хилл — «Эксмо», 2005, 2007 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-169444-9

"Премия Брэма Стокера. Премия Международной гильдии ужаса. Британская премия фэнтези. Премия им. Уильяма Кроуфорда. Финалист Всемирной премии фэнтези. Имоджен ждет вас в театре ""Розовый бутон"". Она молода, красива… и мертва… Фрэнсис когда-то был человеком, но теперь он двухметровая саранча, и все в Каллифоре задрожат, когда услышат его песнь… Джон заперт в подвале, залитом кровью убитых детей, а по старинному черному телефону, давно отключенному, звонят по ночам умершие… Нолан знает, что произошло тем далеким летом, когда его младший брат построил из картонных коробок крепость с вратами, ведущими в другие миры... Прошлое не умерло. Это еще даже не прошлое... ""Лучшие рассказы Хилла ведут вас по проторенным тропам шоу ужасов и темным аллеям жанра на более опасную территорию - в подвалы пригородных коттеджей, на бейсбольные поля и школьные дворы"". - Washington Post ""Примите Хилла как благодарного рассказчика, который шепчет вам на ухо - выражаясь его же словами - свои чудесные истории, а взамен просит лишь чуточку внимания"". - В. Женевский, лауреат премии ""Мастера ужасов"" ""Попеременно грустные, страшные, странные, а порой даже милые, эти истории будут преследовать вас еще долго после того, как вы их прочтете"". - Parade ""Джо Хилл отлично умеет подкрадываться исподтишка. Уже одно это равняет его с такими классиками ""сумеречной зоны"" литературы, как Говард Филлипс Лавкрафт, Рэй Брэдбери, Стивен Кинг"". - Кристофер Голден "Изобретательная коллекция рассказов... умелая и отважная". - New York Times Book Review "Полностью проработанные персонажи со сложной эмоциональной жизнью усиливают 14 историй в необыкновенной коллекции Джо Хилла. В этом томе нет ни фальшивых нот, ни разочаровывающих попыток". - Publishers Weekly "Истории варьируются от жутких до милых, со впечатляющим выбором тактики атаки на вашу психику". - Boston Globe "Это

первая коллекция рассказов Джо Хилла, демонстрирующая непревзойденное мастерство в самых разных стилях... Забавные, трогательные, ужасающие - они охватывают весь спектр хоррора". - USA Today "Прекрасный серьезный сборник рассказов". - Village Voice "Одна из лучших коллекций ужасов года. Джо Хилл - относительный новичок, который постоянно создает жуткие, очень тревожные истории". - Locus "Каждая история уникальна, и сборник доказывает, что талант Джо Хилла не ограничивается ужасами, а и широко распространяется в мейнстрим". - Denver News "Новый взгляд на жанры фэнтези и хоррор... Настоятельно рекомендуется". - The Sun Herald

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169444-9

© Хилл Д., 2005, 2007

© Эксмо, 2005, 2007

Содержание

Предисловие 7
Лучший современный хоррор 10
Призрак двадцатого века 23
Схлоп-арт 34
Когда поет саранча 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Джо Хилл
Черный телефон

Посвящается Леаноре

Лучшее мое произведение – моя семья

Joe Hill
20TH CENTURY GHOSTS

Copyright © 2005, 2007 by Joe Hill
Introduction © 2005 by Christopher Golden
Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers
«The Black Phone» film artwork © 2021 Universal Studios.
All Rights Reserved

© Елена Корягина, перевод на русский язык, 2022
© Александра Панасюк, перевод на русский язык, 2022
© Виталий Тулаев, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Перевод Виталия Тулаева

Современный хоррор не всегда интеллектуален. Многие авторы, пишущие в этом жанре, пытаются сразу бить в уязвимое место своего читателя, забывая о том, что самый опасный хищник приближается не торопясь. Ничего плохого в подобном подходе, разумеется, нет, однако настоящий талантливый художник всегда имеет несколько козырей в рукаве.

Между прочим, не все рассказы «Призраков двадцатого века»[1] написаны в жанре хоррора. В некоторых произведениях автор мечтательно расскажет о сверхъестественном, в других мы увидим вполне современные тенденции, и они вызовут у читателя мрачную тревогу. Есть и такие, которые вас совсем не напугают; напротив, это милые маленькие истории. Рассказы, включенные в книгу, объединяет тонкость восприятия автора. Джо Хилл – хищник, крадущийся на мягких лапах. Интеллектуален даже рассказ, в котором Джо повествует о мальчике, превращающемся в гигантское насекомое. Положа руку на сердце – часто ли мы можем сказать такое о хорроре?

Впервые я наткнулся на имя Джо Хилл в списке авторов антологии Джейн Кавелос под названием «Многоликий ван Хельсинг». В том сборнике публиковался и один из моих рассказов, однако, признаюсь, произведения остальных авторов я не прочел. И вот наступил вечер встречи с читателями в массачусетском «Пандемониуме», тематическом книжном магазине. Там присутствовали Джо Хилл, Том Монтелеоне, Джейн Кавелос и ваш покорный слуга.

Мы пообщались, и Джо (до того дня я вообще его не читал) меня удивил, сказав, что хоррор любит, однако у него имеются и другие интересы. Он уже публиковался в стиле мейнстрим в *литературных* журналах (литературными их можно считать лишь с большой натяжкой) и даже получал кое-какие премии. Тем не менее Джо снова и снова возвращался к хоррору и мрачному фэнтези.

Скажи ему за это спасибо, читатель. В любом случае, надеюсь, ты сделаешь это, прочитав данную книгу.

Рано или поздно я взялся бы за «Многоликого ван Хельсинга», просто встреча с Джо Хиллом заставила меня прочесть его незамедлительно. Вкладом Джо Хилла в антологию стал рассказ «Сыны Абрахама», посвященный жутковатому, своеобразному испытанию для детей, внезапно понявших (как это нередко бывает), что их отец не идеален. Прочитав рассказ, я невольно сравнил его с одним взволновавшим меня фильмом под названием «Пророк». «Сыны Абрахама» – потрясающая история. В данной книге вы найдете его ближе к середине. Вещица была настолько хороша, что я задумался: не почитать ли мне еще Джо Хилла? Однако он публиковал лишь рассказы, да и то в таких изданиях, на которые я не мог набрести даже случайно. И все же я сделал себе заметку: на этого автора следует обратить внимание.

Когда Питер Краузер спросил меня, не хочу ли я почитать «Призраков двадцатого века» и заодно написать вступление, отказаться я не мог. Со временем было не очень – я много писал, требовали моего участия семейные дела, однако мне отчаянно захотелось прочитать книгу Джо Хилла. Действительно ли Джо так хорош, как обещали мне «Сыны Абрахама»?

Нет, он был не *так хорош*.

Он был куда лучше, чем я ожидал.

У книги весьма подходящее название. Во многих рассказах мы в той или иной форме встретим призраков, в других – услышим отголоски прошлого столетия. В рассказе «Когда

[1] «Призраки двадцатого века» – первоначальное название этого сборника рассказов. Сейчас он переименован и издается под названием «Черный телефон». Это связано с экранизацией одноименного рассказа, премьера которой состоится в июне 2022 года *(прим. издателя).*

поет саранча» сочетается увлеченность автора научной фантастикой и память о страшной кинохронике пятидесятых, демонстрирующей ужасы применения ядерного оружия. В произведении Джо Хилла прекрасное владение предметом вылилось в своеобразную смесь черного юмора и предельной задушевности.

Особое звучание выбранному названию книги придает личность автора. В данной работе присутствует элегантность и теплота, присущая предшествующему поколению писателей – Джоан Эйкен и Амброзу Бирсу, Бомонту, Матесону и Роду Серлингу. Действуя в лучших традициях, Хилл призывает читателя фантазировать, обеспечивая необходимый эмоциональный отклик, который дает возможность назвать произведение успешным. И обратной связи автор добивается мастерски, читатель становится невольным соучастником действа. «Лучший современный хоррор», с которого мы и начнем читать книгу, сразу заявляет о некоем привычном стандарте; мы с вами немедленно поймем, к чему ведет автор. В данном случае это – не фиаско, это огромное достижение. Именно за счет ожидания предсказуемого финала рассказ и достигает нужного эффекта.

Хилл заманивает читателя доверительной тональностью «Призрака двадцатого века» и обрушивает на него отчаяние «Черного телефона». Читатель, по сути, становится действующим лицом сюжета, разделяющим переживания героев.

Многие авторы считают, что в хорроре нет места сентиментальности, что эмоциональный отклик читателя определяется лишь авторскими ремарками. У Джо Хилла все иначе. Как ни странно, одним из лучшим образцов его мастерства стал рассказ «Бобби Конрой восстает из мертвых», который вовсе не является хоррором, и тем не менее ложится в основу действа при съемках ремейка ставшего классикой жанра фильма Джорджа Ромеро «Рассвет мертвецов».

Мне бы хотелось отдельно остановиться на каждом рассказе, однако не стану портить вам удовольствие, рассказав во вступлении слишком много. Мне и самому хотелось бы забыть о том, что я уже читал «Призраков…». Я бы с огромным удовольствием вновь прочел книгу как в первый раз.

«Лучше, чем дома» и «Деревья с того света» – изумительно красивые истории. «Завтрак у вдовы» – трогательный слепок с иной эпохи, моментальный снимок человека, потерявшегося в этой жизни.

«Призрак двадцатого века» вызывает ностальгию, подобно моим любимым сериям «Сумеречной зоны». «Когда поет саранча» – это своеобразный симбиоз из творчества Уильяма Берроуза, Кафки и фильма «Они!». В «Последнем выдохе» мы обнаружим легкий привкус Брэдбери. Каждый из этих рассказов чудесен, некоторые – ошеломляюще хороши. «Отцовская маска» – таинственная и волнующая вещь; прочитав ее, я ощутил нечто вроде головокружения.

«Добровольное изгнание» – рассказ, завершающий сборник, – одна из лучших новелл, которые я когда-либо читал, что говорит о зрелости Джо Хилла в качестве автора коротких рассказов. Нечасто бывает, когда на этапе первой же книги мы получаем полностью сформировавшегося мастера.

А если и бывает… Знаете, у меня после «Добровольного изгнания» возник внутренний конфликт: с одной стороны – эйфория, с другой – желание задать автору хорошую взбучку, настолько хорош рассказ.

Что же до «Схлоп-Арта»… это необыкновенная история. Лучшая за многие годы моей профессиональной деятельности. В ней сошлись все достоинства Джо Хилла, который на нескольких страничках способен уместить и нежность, и сложность, и некую странность.

Приветствуя рождение нового автора, фанаты, критики и прочая публика задумываются: что обещает им его дальнейшее творчество? Каков его потенциал?

Рассказы сборника «Призраки двадцатого века» красноречиво отвечают на подобные вопросы.

Кристофер Голден
Брэдфорд, Массачусетс
15 января 2005 г.
Новая редакция: 21 марта 2007 г.

Лучший современный хоррор

Перевод Виталия Тулаева.

За месяц до сдачи сборника Эдди Кэррол открыл бумажный конверт, и на стол выскользнул журнал «Северное литературное обозрение». Эдди нередко получал журналы по почте – с названиями типа «Кладбищенский карнавал». Часто приходили и рукописи. Его дом в Бруклине превратился в склад подобной литературы, громоздившейся неопрятными кучами на диване и на столике с кофеваркой. Сплошной хоррор… Немыслимо прочесть все, что тебе поступает, однако, заступив на должность редактора «Лучшего современного хоррора Америки», Эдди такую попытку предпринял. Ему тогда только перевалило за тридцать.

Больше трети своей жизни он потратил на работу с антологиями, сдав в печать шестнадцать выпусков альманаха. Тысячи часов ушли на чтение, редактирование и подготовку ответов авторам. Тысячи часов, которые никто тебе не вернет…

Со временем Эдди особенно возненавидел поступающие с почтой журналы, презирая оседавшую на руках дешевую типографскую краску и ее мерзкую вонь. Экономией на материалах грешили многие издания.

Большую часть ложащейся на редакторский стол мазни Эдди не дочитывал – просто не находил в себе сил. При одной мысли об очередном рассказе о вампирах, предающихся плотской любви, накатывал приступ слабости. Он честно пытался продраться сквозь стилизацию под Лавкрафта, однако при первом же удручающе серьезном упоминании о Верховных Богах у него что-то немело внутри – так отнимается рука или нога перед инсультом. Эдди пугался: неужто дожил до паралича души?

Вскоре после развода обязанности редактора «Лучшего современного хоррора» превратились для него в утомительную и безрадостную повинность. Не бросить ли все к черту? Подобные мысли добавляли легкого оптимизма, однако всерьез Эдди об этом не помышлял. На его счет в банке ежегодно поступало двенадцать тысяч долларов. В основном доход складывался из гонораров за составление антологий плюс кое-что капало за публичные лекции и занятия со студентами. Без стабильной подпитки его ждал худший из возможных сценариев: придется искать работу.

Название выпавшего из конверта журнала ни о чем не говорило. Обычное литературное издание с фотографией склонившихся под ветром сосен на шершавой обложке. Штамп на последней странице заявлял, что обозрение издается университетом Катадина. Северная часть штата Нью-Йорк… Эдди перевернул обложку, и в руки ему упали два скрепленных степлером листа – письмо от главного редактора, преподавателя английской литературы Гарольда Нунана.

Прошлой зимой на Гарольда вышел человек, работавший в университете лаборантом на полставки – некто Питер Килрю. Прослышав, что Нунана назначили главным редактором журнала, и тот принимает заявки на публикацию, Килрю попросил его глянуть на свой рассказ. Нунан пообещал – больше из вежливости. Однако, прочитав рукопись под названием «Мальчик с пуговицами: история любви», он был поражен богатством и силой языка автора, а также жутковатым сюжетом. Для Гарольда работа редактора была внове. Прежний главный, Фрэнк Макдейн, ушел на пенсию, отработав в журнале двадцать лет, и Гарольду хотелось несколько изменить приоритеты, обратившись к литературе, которая встряхнула бы тихую читательскую аудиторию.

«Вероятно, я в этом преуспел», – писал он. Вскоре после публикации «Мальчика…» глава факультета английской литературы в частном разговоре раскритиковал нового главного редактора, сказав, что тот превратил журнал в площадку для примитивного эпатажа, присущего молодежной культуре. Почти пятьдесят человек отказалось от подписки – не шутка для издания с тиражом около тысячи экземпляров. Одна из выпускниц университета, в основном

финансировавшая «Литературное обозрение», впав в ярость, остановила спонсорские перечисления.

Нунану пришлось уволиться, и пенсионер Фрэнк Макдейн, откликнувшись на призыв общественности, согласился курировать журнал.

Письмо Нунан завершил так:

> *«Продолжаю придерживаться мнения (пусть и спорного), что «Мальчик с пуговицами» – замечательная, хотя и шокирующая литературная находка. Надеюсь, вы найдете время для его прочтения. Не стану скрывать: если вы решитесь опубликовать рассказ в следующей антологии лучших произведений в жанре хоррора, я сочту это своеобразной реабилитацией своего честного имени.*
>
> *Пожелал бы вам насладиться рассказом, однако боюсь, что "насладиться" – не самое подходящее слово.*
>
> *С наилучшими пожеланиями, Гарольд Нунан».*

Эдди прочел письмо в прихожей и, не раздеваясь, открыл страницу с началом рассказа. Через пять минут ему стало жарко, и, бросив куртку на крючок, он переместился на кухню.

Устроившись на ступеньках поднимающейся из кухни лестницы, Эдди пробежал несколько страниц. Машинально перебрался на диван в кабинете, откинув голову на стопку книг, и продолжил чтение под косыми лучами слабенького октябрьского солнца.

Он на одном дыхании дошел до конца и выпрямился, словно опьянев от странного восторга. Настолько жесткой, если не сказать – отвратительной – прозы ему встречать еще не доводилось, а это кое о чем говорило. В профессиональной жизни через его руки проходила разная литература – была и жесткая, и отвратительная. Порой в этом болезненном, засиженном трупными мухами болоте вырастал цветок невероятной красоты. Сегодня был тот самый случай. Новый цветок оказался злым и испорченным, однако Эдди желал его сорвать. Он вернулся к началу и вновь углубился в повествование.

* * *

Главная героиня – замкнутая семнадцатилетняя девушка по имени Кейт, которую в начале рассказа затаскивает в свою машину настоящий великан с болезненно-желтыми глазами и железными брекетами во рту. Гигант связывает ей руки и пихает на пол между сиденьями мини-фургона, а там уже лежит парнишка примерно ее возраста. Кейт решает, что мальчик мертв – уж очень тот изуродован. К его стянутым стальной проволокой векам грубо пришпилены круглые желтые пуговицы с изображением улыбающейся рожицы.

Парнишка неожиданно оживает, касаясь рукой бедра Кейт. Та захлебывается беззвучным криком, а мальчик продолжает шарить по ее телу, наконец добирается до лица, и шепчет: его зовут Джим, с гигантом он таскается по дорогам уже неделю – с тех пор, как тот убил его родителей.

«Он проколол мне глаза и заявил, что моя душа вылетела сквозь дырки. Мол, он слышал такой звук, какой бывает, когда дунешь в пустую бутылку из-под колы. Говорит, слушал бы и слушал. А потом воткнул мне в глазницы эти заглушки – чтобы жизнь не утекла из тела». Мальчик касается желтых смайликов. «Хочет посмотреть, сколько мне удастся прожить без души».

Великан привозит своих жертв в заброшенный кемпинг в одном из национальных парков, где заставляет их предаваться сексуальным утехам. Ему кажется, что Кейт, целуя Джима, проявляет недостаточно страсти, и он ударом ножа распарывает девушке щеку, вырезая язык. Джим в испуге визжит, на ощупь мечется по кемпингу; кругом кровь, и Кейт в суматохе уда-

ется сбежать в лес. Через несколько часов окровавленная, истерически рыдающая девушка выходит к шоссе.

Задержать похитителя не удается – они с Джимом выезжают из парка и словно испаряются. У следователей нет ни одной улики, они понятия не имеют, кто такой Джим, о великане известно еще меньше.

Через пару недель после выхода из больницы Кейт получает письмо. В конверте обнаруживается единственная улика следствия – две пуговицы с улыбающимися рожицами и торчащими из отверстий обломками окровавленной стальной проволоки. Там же лежит моментальный снимок моста в Кентукки.

На следующее утро под мостом находят страшно изувеченного мальчика, в пустые глазницы которого неторопливо заплывают речные рыбки.

Кейт, некогда привлекательная девушка, теперь внушает знакомым жалость и неподдельный ужас и отдает себе отчет, что чувствуют при встрече окружающие. Отражение в зеркале оптимизма также не добавляет. Ей приходится посещать специальную школу, где учат общаться на языке жестов, однако долго Кейт там не выдерживает: товарищи по несчастью – глухие, хромые и увечные – лишний раз напоминают ей о слабости и зависимости калек от общества.

Девушка пытается вернуться к нормальной жизни, однако особыми успехами похвастаться не может. Близких друзей она не завела, профессионального образования не имеет, к тому же комплексует по поводу собственной внешности и немоты. Автор с особой болью описал сцену, где Кейт, выпив для смелости, заигрывает в баре с незнакомым мужчиной, получая в ответ лишь насмешки от своего избранника и его компании.

Ее преследуют ночные кошмары, в которых она снова и снова проживает страшные и порой выдуманные обстоятельства своего похищения. Иногда Джим оказывается не жертвой преступления, а соучастником; он насилует Кейт, и пуговицы в его глазах превращаются в зеркальные диски, отражающие ее искаженный криком рот. Бывает, что кошмары производят на Кейт возбуждающий эффект, однако психотерапевт уверяет: это в порядке вещей. Девушка отказывается от услуг врача, обнаружив, что тот во время разговора рисует в блокноте жутковатую карикатуру.

В попытке избавиться от навязчивых сновидений она пробует все подряд: спиртное, таблетки и даже героин. Наркотики требуют денег, и она залезает в тумбочку к отцу. Тот застигает Кейт за попыткой кражи и выбрасывает ее из дома, после чего попадает в больницу с микроинсультом. Мать умоляет Кейт больше не попадаться ему на глаза. Вскоре в центре ухода за детьми-инвалидами, где подрабатывает девушка, происходит неприятный инцидент: один из детей выкалывает острым карандашом глаз товарищу по несчастью. Все понимают, что Кейт в случившемся невиновна, однако беда не приходит одна: в центре ухода становится известно о ее пагубном пристрастии к наркотикам. Героиня теряет место, и, даже избавившись от зависимости, новой работы найти не может.

Холодным осенним днем, выходя из местного супермаркета, Кейт натыкается на полицейскую машину с поднятым капотом. Полисмен в зеркальных солнечных очках изучает перегревшийся радиатор. Мельком бросив взгляд на заднее сиденье, девушка видит там постаревшего на десять лет и прибавившего в весе великана. Кисти преступника скованы наручниками.

Приблизившись к полицейскому, копающемуся в моторе, Кейт пишет записку: знает ли тот человека, сидящего на заднем сиденье? Инспектор объясняет, что великана задержали за кражу охотничьего ножа и мотка скотча из хозяйственного магазина на Плезант-стрит.

Кейт знает, о каком магазине идет речь, поскольку живет по соседству, и у нее подкашиваются ноги.

Она начинает бешено строчить в блокноте, пытаясь рассказать, что сделал с ней гигант десять лет назад. Ручка не успевает за мыслями; записки выходят сумбурными, и все же поли-

цейский вроде бы ухватывает суть написанного и ведет ее к передней дверце. Кейт охватывает непреодолимый ужас – придется ехать в одной машине с похитителем. Инспектор напоминает, что руки гиганта надежно прикованы к дверце – причинить ей вред он никак не сможет. Очень важно немедленно разобраться с этим делом в полицейском участке.

Наконец Кейт дает себя уговорить. Под сиденьем лежит зимняя куртка, и полицейский настаивает, что дрожащая девушка должна ее накинуть. Она благодарно смотрит на патрульного, заносит ручку над блокнотом – надо сказать «спасибо» доброму человеку – и вдруг замирает, рассмотрев свое отражение в зеркальных очках.

Захлопнув дверцу, полицейский возвращается к двигателю, а девушка, застегивая онемевшими пальцами чужую куртку, обнаруживает на ее груди две пуговицы с улыбающимися рожицами. Она дергает за ручку дверцы: та заперта. Пытается открыть окно – ничего не выходит. Снаружи хлопает капот, и на лице человека в зеркальных очках появляется отвратительная ухмылка. Он вовсе не полицейский…

Мальчик с пуговицами обходит машину, открывая заднюю дверь, и выпускает гиганта наружу – ведь слепой, как ни крути, не может сидеть за рулем.

В густом лесу человек теряет ориентиры, начиная ходить по кругу, – именно так чувствует себя Кейт. В свое время ей удалось сбежать от мальчика с пуговицами и страшного гиганта. Однако из чащи она так и не выбралась и продолжает блуждать в темноте, цепляясь за кустарник и описывая бесцельные круги. В итоге она неминуемо попадет туда, куда и должна была попасть. Жуткая мысль, как ни странно, успокаивает девушку. Наверное, ей на роду написано остаться с этими чудовищами. Кейт даже испытывает облегчение – хоть какая-то определенность… Она расслабляется, завернувшись в теплую куртку.

* * *

Эдди нисколько не удивился, что Нунана подвергли обструкции за «Мальчика с пуговицами». Рассказ, по сути дела, был посвящен деградации человеческого существа – в данном случае женщины, и героиню автор выписал как добровольную жертву жестокого обращения во всех возможных сферах: эмоциональной, сексуальной и духовной. Тема сама по себе нехорошая, однако Джойс Кэрол Гейтс также писала подобные рассказы для журналов, ничем не отличающихся от «Северного литературного обозрения», да еще и получала за это литературные премии. Единственным непростительным грехом Килрю стал провокационный конец истории.

Эдди понимал, к чему ведет автор. Прочитав едва ли не десять тысяч рассказов в жанрах мистики и хоррора, он полагал, что утратил способность удивляться – и все же от чтения «Мальчика с пуговицами» получил удовольствие. В то же время в среде знатоков эпатажные финалы (независимо от мастерства писателя) считались признаком инфантильной коммерческой литературы и плохих телевизионных сериалов. Читатели «Северного литературного обозрения», как представлялось Эдди, были людьми средних лет, учеными, преподававшими творчество Гренделя и Эзры Паунда и вынашивающими неизбывные мечты о публикации собственных стихов в каком-нибудь «Нью-Йоркере». Для них шокирующая развязка оказалась сродни оконфузившейся балерине, громко испортившей воздух во время «Лебединого озера» – провал настолько оглушительный, что ничего, кроме нервного смеха, не вызывает. Одно из двух: либо Гарольд Нунан был издателем еще неискушенным, не понимающим, что его читатель бежит от грубой реальности, либо подсознательно рассчитывал на последующее увольнение.

Концовка рассказа была скорее в духе традиций Джона Карпентера, чем Джона Апдайка. И все же Эдди не удавалось припомнить аналогичных решений в каком-либо из журналов, посвященных хоррору, во всяком случае – в последнее время. Двадцать пять страниц поданной с исключительным натурализмом истории женщины, пострадавшей в юности и пронесшей

комплекс вины выжившего через десяток лет? Автор явно хотел привлечь внимание читателя к таким явлениям, как тиранические отношения в семье, паршивая работа и постоянное безденежье. Надо сказать, очень редко встречаются рассказы, столь искусно повествующие о хлебе насущном. Как правило, писатели, работающие в жанре хоррор, не поднимались выше живописаний кровоточащих кусков мяса.

Эдди было одиннадцать, когда родители отвели его на «Привидения» в орегонском театре. В зале он сидел в компании двоюродных братьев, однако, едва погасили свет, братишек поглотила тьма. Эдди остался один, запертый в собственном душном ящике с мечущимися тенями. Несколько раз он ловил себя на желании зажмуриться – и все же справлялся, хотя сердце так и колотилось от испуга, смешанного с наслаждением. Наконец включили свет. Нервы Эдди звенели, словно туго натянутые веревки – так бывает, когда коснешься оголенного провода. С тех пор он не переставал желать подобных ощущений.

Много лет спустя, когда Эдди уже профессионально занимался литературой, чувство, испытанное в театре, притупилось – не ушло совсем, но стало далеким отголоском. В последнее же время отступил и он, сменившись атрофией восприятия. Разглядывая кипу журналов на кофейном столике, Эдди не ощущал ничего, кроме тупой скуки. Хотя нет. Наверное, его посещал страх, хотя и далеко не в привычном его понимании.

Сегодня все было иначе: он находился под огромным впечатлением. «Мальчик с пуговицами» по-настоящему взял его за душу. Случалось ли ему публиковать хоть раз нечто подобное? Эдди стянул с книжной полки самый первый и до сих пор непревзойденный номер «Лучшего современного хоррора», попытавшись вспомнить, что взволновало его больше всего в той антологии. Глянув на оглавление, он тут же перелистнул страницу. Первый выпуск был посвящен его бывшей жене, Элизабет. *«Она помогает мне найти дорогу во тьме»,* написал он тогда в головокружительном приступе нежности.

Больше года Элизабет спала с их инвестиционным консультантом. Эдди уличил жену в измене, а она собрала чемоданы и уехала к матери, забрав с собой Трейси.

* * *

– Знаешь, а я почти рада, что ты нас застукал, – призналась она через пару месяцев по телефону. – Наконец с этим покончено!

– С твоим романом? – спросил Эдди.

Никак хочет сообщить, что рассталась с банкиром?

– Нет, – ответила Лиззи. – Я имею в виду твой омерзительный хоррор и тех отморозков, что приходили в наш дом – маленьких потных слизняков, возбуждающихся от трупов. Развод – лучшее, что могло со мной случиться. Надеюсь, теперь у Трейси нормальное детство, а я буду общаться исключительно с нормальными, переросшими подростковый возраст людьми.

* * *

Мало того что Лиззи трахалась за его спиной, – она еще и попрекала его детством Трейси. У Эдди тогда просто перехватило дыхание от злости, и до сих пор в горле вставал ком, стоило вспомнить тот разговор. Он швырнул сборник обратно и побрел на кухню. Пора обедать. Возбуждение, не находившее выхода, наконец спало. Спасибо Лиззи – бывшая жена порой выручает, пусть между ними теперь сорок миль и постель другого мужчины.

После полудня Эдди отправил электронное письмо Нунану, попросив того поделиться контактами Килрю. Не прошло и часа, как Гарольд перезвонил. Ему приятно, что мистер Кэррол заинтересовался «Мальчиком с пуговицами» для своей антологии. Нет, электронной почтой автора он не располагает, зато знает его домашний адрес и телефон.

Эдди отправил письмо Питеру Килрю, однако конверт вернулся со штампом «Не доставлено». Набрал номер телефона. «Линия отключена». Он снова позвонил Нунану в университет.

– Не могу сказать, что вы меня удивили, – тихо и несколько смущенно заговорил Гарольд. – У меня сложилось впечатление, что Питер – бродяга: по-моему, ему вечно не хватает денег, и он берет подработки – то там, то здесь. Наверное, лучше вам связаться с руководителем лаборантов – Мортоном Бойдом. Наверняка у него есть данные Килрю.

– Когда вы его последний раз видели?

– Заезжал к нему в марте – как раз после того, как вышел «Мальчик с пуговицами» и разразился скандал. Говорили, что рассказ написал настоящий женоненавистник, требовали от автора письменных извинений, ну и тому подобное. Хотел сообщить ему, что тут происходит. Наверное, даже рассчитывал, что Питер осадит критиков, станет защищаться – напишет, например, в студенческую газету, однако он заявил, что не намерен проявлять слабость. Странный получился у нас разговор. Питер вообще странный парень, и дело даже не в его рассказах.

– О чем вы?

– Сам не пойму, – засмеялся Нунан. – Как бы это сказать… Знаете, бывает, лежишь с высоченной температурой и вдруг посмотришь на обычный предмет типа настольной лампы, а она тает или уплывает вдаль. Встречи с Питером Килрю вызывают именно такое ощущение. Не знаю, в чем причина. Наверное, меня несколько пугают его интересы.

Автор нравился Эдди все больше и больше.

– Например?

– Когда я приехал, дверь открыл его старший брат. Парень был полураздет; думаю, они живут вместе. Так вот, этот брат – не хочу показаться бестактным – ошеломляюще толст. С ног до головы в татуировках. На животе у него красовалась ветряная мельница со свисающими с лопастей полуразложившимися трупами. А на спине я углядел татуировку эмбриона с длинными клыками и черными пятнами вместо глаз. Ах, да, в руке у зародыша был скальпель.

Эдди неуверенно засмеялся.

– Впрочем, в итоге он оказался неплохим парнем, – продолжил Нунан. – Вполне дружелюбным. Угостил меня содовой, и мы уселись на тахте перед телевизором. Что самое забавное – прямо во время разговора, пока я рассказывал о буче в университете, Питер, усадив брата на пол, проколол ему ухо под пирсинг.

– То есть?

– Клянусь! Я выдаю подробности, а Питер тем временем втыкает ему раскаленную иглу в верхнюю часть уха. Кровищи было – не поверите! Когда толстяк поднялся, мне показалось, что ему пуля попала в висок – такое открылось кровотечение. Помните финал «Кэрри», где героев облили кровью из ведра? А этот встает и предлагает мне еще кока-колы…

На этот раз они расхохотались в унисон. Немного помолчали, и Нунан неожиданно выпалил:

– Они смотрели передачу про Джонстаун.

– Что?

– По телевизору шел документальный фильм про тот поселок во Французской Гайане, где сотни людей добровольно ушли из жизни. Пока мы общались, а Питер дырявил брату ухо, звук он выключил. По экрану бежали кадры с улицами, полными трупов, с птицами, рвущими останки… – Нунан тяжело сглотнул. – По-моему, это была запись из их домашней видеотеки – похоже, пленку парни закольцевали. Уставились в телевизор, словно зомби.

Вновь повисла тишина. Очевидно, Нунану стало неловко за свой рассказ. Вероятно, Килрю искал вдохновение, с невольным уважением подумал Эдди.

– Считаете, что «Мальчик с пуговицами» – выдающийся образец современной литературы? – поинтересовался Нунан.

– Именно так.

– Не знаю, что скажет Питер по поводу включения «Мальчика» в антологию, но мне это было бы очень приятно. Надеюсь, я вас не слишком напугал.

– Я не из пугливых, – улыбнулся Эдди.

* * *

Бойд из университета мало чем помог.

– Питер рассказывал, что его брат занят на площадке коммунального строительства в Покипси. То ли там, то ли в Ньюберге. Питер вроде хотел к нему присоединиться. Подобная работа неплохо оплачивается, и, если уж ты попал в эту сферу, никто тебя не уволит. Можешь быть маньяком-убийцей – кого волнует?

Услышав про Покипси, Эдди заинтересовался. На конец месяца в городке был запланирован небольшой конгресс для авторов, работающих в жанре фэнтези – то ли «Темный ВандерКон», то ли «Темный ДримКон». Да хоть «МастурбатКон» – неважно. Важно, что Эдди приглашали поучаствовать, а он плевать хотел на поступающие от организаторов письма. Его больше не интересовали незначительные конгрессы, да и со временем не складывалось – поджимали сроки на работе.

Впрочем, он каждый год посещал Всемирную премию фэнтези, старался не пропускать летний лагерь «Камп НеКон», не брезговал и некоторыми регулярными встречами по интересам. Подобные конвенты были частью работы, от которой он пока не отмахивался – туда приезжали приятели, да и Эдди в глубине души любил такие мероприятия. Там пробуждались приятные воспоминания.

Как-то он встретил на одном из конгрессов человека, предложившего купить первое издание «Я люблю Гейлсбург весной». Эдди давным-давно забыл о существовании этого произведения, однако, глянув на хрупкие пожелтевшие страницы, пропитанные ароматами бабушкиных чердаков и многолетней пыли, замер. На него нахлынули пережитые в детстве чувства. Он читал этот сборник в тринадцать лет и целых две недели жил в состоянии восторга: выбирался из спальни на крышу, лишь бы не расставаться с книгой, не слышать, как бранятся и дерутся родители. Эдди до сих пор помнил запах шершавой, раскаленной от солнца черепицы и далекое жужжание газонокосилки. А лучше всего отложилось в памяти счастливое удивление после невероятного романа Джека Финнея «Десять центов Вудро Вильсона».

Эдди позвонил на стройку в Покипси; звонок перевели на отдел кадров.

– Килрю? Арнольд Килрю? Его сократили с полгода назад, – уведомил мужчина с пронзительным и в то же время хриплым голосом. – Вы ведь представляете, насколько сложно здесь добиться увольнения? Это первый человек за многие годы, которого мне пришлось отпустить. Арнольд скрыл свое уголовное прошлое.

– Нет, меня интересует Питер Килрю, вероятно, они братья. Не припомните, этот Арнольд – толстяк, покрытый татуировками?

– Вовсе нет. Худой жилистый парень, однорукий. Левую руку потерял, работая на прессе – судя по его рассказам.

– Вот как… – пробормотал Эдди.

Судя по всему, Арнольд просто обязан быть родственником Питера Килрю.

– А что конкретно вы о нем узнали?

– Арнольд нарушил защитное предписание суда.

– Бракоразводный процесс? – предположил Эдди, невольно сочувствуя осужденному, пострадавшему от железной хватки адвокатов бывшей жены.

– Ни черта подобного, – откликнулся менеджер. – Ему запретили приближаться к собственной матери. Что вы на это скажете?

– Вы не в курсе, они случайно не родственники с Питером Килрю? Как можно связаться с Арнольдом?

– Я ему в личные секретари не нанимался, приятель. Больше вопросов нет?

Больше вопросов у Эдди не было.

* * *

Он попытал счастья в справочной службе, обзвонив всех людей в районе Покипси, носящих нужную ему фамилию, однако никто не сознался в родстве с Питером Килрю, и Эдди прекратил поиски. Прибрался в кабинете, не глядя скомкал бумажки на столе, побросав их в мусорную корзину, и переложил стопки книг из одного угла в другой. Идеи иссякли. Терпение – тоже.

Ближе к вечеру он рухнул на диван, собираясь с мыслями, и, продолжая злиться, задремал. Во сне гонялся за мальчишкой, укравшим у него ключи от машины в совершенно пустом кинотеатре. Парнишка – почему-то черно-белый – мерцал, словно привидение или герой старинного кинофильма, и никуда не торопился, помахивая ключами над головой. Под его истерический смех Эдди и проснулся.

Покипси…

Питер Килрю жил где-то в этой части штата Нью-Йорк и наверняка появится в субботу на «Темном ФутурКоне». Вряд ли он устоит. Кто-нибудь да познакомит его с Эдди. Просто нужно появиться на конвенте, и они точно встретятся.

Оставаться на ночь Эдди не планировал – ехать было всего четыре часа. Выедет пораньше, вернется поздно вечером. В шесть утра он уже гнал восемьдесят миль в час по левому ряду шоссе 1–90. За спиной вставало солнце, бросая слепящие блики в салонное зеркало. Шикарные ощущения: вжимаешь педаль в пол, и машина летит на запад, преследуя собственную тень. Через некоторое время Эдди вспомнил одну маленькую девочку, которая должна была сидеть рядом, и снизил скорость. Очарование дорóгой куда-то ушло.

Трейси любила ездить с отцом на подобные конгрессы. Собственно, от такого приключения не отказался бы ни один ребенок. Зрелище что надо: взрослые корчат из себя дураков, переодеваясь в Пинхеда или в Эльвиру. Как тут устоишь? Лабиринты столов, зловещие экспонаты – не заблудиться бы! А еще можно купить за доллар резиновую отрубленную руку. Как-то раз Трейси целый час играла в пинбол с Нилом Гейманом на Всемирной премии фэнтези в Вашингтоне. До сих пор переписываются.

Добрался Эдди к полудню. Площадку конгресса устроили в концертном зале. Народу было полно, и от бетонных стен рикошетило эхо неумолчного гула толпы, перемежаемого взрывами хохота. Эдди не стал объявлять о своем приходе, и тем не менее одна из организаторов – пухленькая женщина в пиджаке в тонкую полоску с длинными фалдами – тут же его заприметила.

– Даже не надеялась! – воскликнула она, тряхнув кудрявой рыжей шевелюрой. – Вы ведь нам так и не ответили. Что-нибудь выпьете?

Ему в руку немедленно втиснули бокал кока-колы с ромом. Вокруг собралась кучка желающих поболтать по поводу кинематографа, литераторов и «Лучшего современного хоррора». Эдди уже не понимал, как это ему пришло в голову пренебречь таким мероприятием. Кто-то из приглашенных лекторов как раз опаздывал на круглый стол, посвященный малым формам в хорроре. Надо же, какая удача! Хотя…

Его провели в конференц-зал, заставленный складными стульями, усадив за длинный стол, на краю которого примостился запотевший графин с водой. Рядом устроились другие участники: учитель, написавший книгу об Эдгаре По, редактор сетевого журнала и местный писатель, подвизающийся на детском фэнтези. Рыжеволосая женщина представила их паре

десятков людей, заполнивших зал, и дала слово для короткой вступительной речи. Эдди выступал последним.

Он начал с того, что каждое литературное произведение несет в себе заряд фэнтези, а любой конфликт или ощущение опасности, вводимое автором в повествование, является зародышем хоррора. А хоррор в чистом виде сочетает в себе большинство основных элементов литературы, доводя их до крайности. Любое художественное произведение – не более чем вымысел, продолжал он, и в этом смысле жанр фэнтези даже более честен, чем реализм.

Эдди остановился на том, что чаще всего творения в стиле фэнтези и хоррора – обычная пачкотня, созданная творчески ограниченными авторами со скудным воображением. А если еще и сюжет изначально плох… Бывает, что месяцами ждешь свежей идеи, запоминающегося персонажа или яркого стилистического приема.

Впрочем, так было всегда, заметил он. Какую область ни возьми, – везде засилье дилетантов, которым в жизни не добиться успеха. Конечно, никто не запрещает пробовать и ошибаться, учиться на собственных промахах и пытаться снова. Порой стоит наклониться – и в песке под ногами неожиданно сверкнет драгоценный камень. Эдди рассказал присутствующим о Клайве Баркере и Келли Линк, о Стивене Галлахере и Питере Килрю, не забыв о «Мальчике с пуговицами».

Так или иначе, напомнил он себе, ничто не сравнится с восторгом, который испытываешь, вдруг наткнувшись на нечто действительно ценное и волнующее. Ни на что не променяю это состояние радостного шока, решил Эдди, еще не закончив выступление.

Наконец он выдохся, и с задних рядов робко захлопали. Аплодисменты подхватил весь зал – словно пошли круги по воде, и воодушевленные слушатели поднялись со своих мест.

Дискуссия завершилась, и Эдди вышел из-за стола мокрый как мышь. Он пожал несколько рук и, сняв очки, протер потное лицо полой рубашки. Подслеповато моргая, ответил еще на одно рукопожатие. Водрузив очки на нос, обнаружил перед собой худого миниатюрного человечка с кривыми, желтыми от никотина зубами и тонкими, словно нарисованными, усиками. Особой радости от встречи Эдди не испытал.

Мэтью Грэм служил редактором одиозного любительского издания под названием «Грязные фантазии», посвященного хоррору. Вроде бы Грэма в свое время задерживали за сексуальные домогательства к несовершеннолетней падчерице, однако до суда дело не дошло. Эдди старался не переносить свое отношение к Грэму на авторов, которых публиковал его журнальчик, и все же ни разу не встретил там произведения, заслуживающего попасть в антологию. Страницы «Грязных фантазий» были отданы под рассказы об одурманенных наркотиками могильщиках, насилующих трупы, и об олигофренах, рожающих кошмарных демонов в загаженных уборных у древних индийских захоронений. Писанина изобиловала чудовищными орфографическими и грамматическими ошибками.

– Согласитесь, Питер Килрю – это нечто, – завязал разговор Грэм. – Я опубликовал его первый рассказ. Не читали? Я отправлял вам экземпляр.

– Должно быть, пропустил, – отозвался Эдди.

В «Грязные фантазии» он не заглядывал уже больше года, а один из последних номеров порвал на кусочки для кошачьего лотка.

– Вам понравится, – не умолкал Грэм, обнажив в улыбке редкие зубы. – Килрю – один из нас.

– Вы с ним общались? – постарался не содрогнуться от отвращения к собеседнику Эдди.

– Общался? Мы с ним даже выпили сегодня за ланчем. Он был здесь с утра, вы просто разминулись. – Грэм ухмыльнулся, дыхнув на Эдди нестерпимой вонью изо рта. – Могу сказать, где он живет. Совсем недалеко.

* * *

За поздним обедом Эдди прочел рассказ Килрю в одном из номеров «Грязных фантазий», который вручил ему Грэм. Произведение под названием «Свиньи» было посвящено психически нестабильной женщине, разродившейся выводком поросят. Свинки, обучившиеся человеческой речи, ходили на задних ногах и даже носили одежду, напоминая персонажей «Скотного двора». В финале свиньи проявили-таки звериное начало, растерзав свою мать в лохмотья, и сошлись в смертельной схватке, выясняя, кому достанется самый лакомый кусочек.

Едкий и агрессивный рассказ существенно отличался от обычных публикаций «Грязных фантазий», отдавая психологическим реализмом, который Эдди Кэррол не слишком приветствовал. Впрочем, написано было неплохо. Один из пассажей, где поросята сражались за право пососать материнскую грудь, представлял собой необычную и довольно страшную пародию на порнографию.

В журнал Грэм вложил свернутую вдвое бумажку с грубой схемой проезда к дому Килрю. Жил тот в двадцати милях от Покипси – в крохотном городке Пайклиф, который Эдди предстояло миновать на обратном пути; потом живописная дорога через Таконский хребет выведет его обратно на шоссе 1–90. Телефона у Килрю не было. Грэм упоминал, что Питер нуждается, и связисты отключили его линию за долги.

До Таконского хребта Эдди добрался уже в сумерках, сгущавшихся под сенью огромных дубов и высоких елей на обочинах дороги. Пустое шоссе забиралось все выше и выше в горный лесной массив. В свете фар иногда мелькало семейство оленей, остановившихся у края проезжей части, и их отсвечивающие розовым глаза провожали машину Эдди, поблескивая от страха и любопытства.

Пайклиф был невелик: торговый комплекс, церковь, кладбище и заправка. На перекрестке мигал желтым глазом светофор. Эдди проехал дальше, вырулив на узкую муниципальную дорогу, тянувшуюся сквозь сосновый лес. Совсем стемнело, и температура за бортом упала настолько, что пришлось включить обогреватель. На Тархил-роуд начался серпантин, и «Цивик», завывая от напряжения, пополз в гору. На миг зажмурившись, Эдди едва не пропустил крутой поворот. Пришлось изо всех сил вывернуть руль, чтобы не влететь в заросли кустов на краю пропасти.

Через полмили асфальтовое покрытие сменилось гравием. Эдди потихоньку пробирался в темноте, поднимая мерцающую в свете фар известковую пыль. В световом конусе показался толстяк в оранжевой вязаной шапочке, запустивший руку в почтовый ящик с надписью «КИЛ Ю», и Эдди замедлил движение.

Мужчина поднял ладонь к глазам, прикрываясь от яркого света, изучил приближающийся автомобиль и махнул рукой в сторону дома – *езжай за мной*. Толстяк двинулся по подъездной дорожке, словно ждал гостей, и Эдди медленно поехал вслед. По обе стороны грунтовой аллейки торчали заросли болиголова, и ветви заскребли по стеклам и кузову «Цивика».

Наконец дорожка вывела в пыльный дворик, раскинувшийся перед большим желтым домом в деревенском стиле, с башенкой и покосившейся верандой, выходившей на две стороны. Разбитое окно у входа было заколочено листом фанеры. Чуть поодаль, в сорняках, валялся унитаз. Осмотревшись, Эдди невольно вздрогнул. Всяк путь ведет к любовной встрече, подумал он, потешаясь над собственным воображением, и припарковал машину рядом с древним трактором, под капотом которого колосилась дикая кукуруза.

Сунув ключи в карман, Эдди выбрался наружу, направляясь к крыльцу, где его уже поджидал пузан в шапочке. Дорожка вела мимо ярко освещенного сарая, сквозь закрытые двери

которого доносился визг циркулярной пилы. Эдди окинул взглядом дом. В одном из окон второго этажа маячил темный силуэт человека, рассматривающего непрошеного гостя.

Эдди сообщил толстяку, что ищет Питера Килрю, и тот мотнул головой в сторону двери. *Топай за мной*.

В тускло подсвеченном коридоре за дверью криво и косо висели фотографии в рамках; на второй этаж вела узкая лестница. Пахло сыростью и еще чем-то странным – то ли мужским потом, то ли несвежим тестом, однако Эдди решил прикинуться, что ничего не заметил.

– Тут у нас куча всякого хлама, – жизнерадостно протрубил толстяк. – Давайте повешу вашу куртку. Глаза б мои на это не смотрели!

Эдди сдал верхнюю одежду, и толстяк, задрав голову, испустил дикий вопль:

– Пит, к тебе пришли!

Внезапная смена тембра заставила Эдди вздрогнуть.

Наверху скрипнула половица, и на лестничной площадке появился худой человек в вельветовом пиджаке и квадратных очках в черной пластмассовой оправе.

– Чем могу быть полезен? – осведомился мужчина.

– Меня зовут Эдвард Кэррол. Издаю альманах «Лучший современный хоррор». – Он подождал реакции Питера, однако тот не проявил интереса. – Прочел в «Северном обозрении» один из ваших рассказов – «Мальчик с пуговицами». Отличная вещь! Мне хотелось бы издать ее в сборнике этого года. – Помолчав, Эдди добавил: – А вас не так легко найти!

– Поднимайтесь, – предложил Килрю, отступив на шаг, и Кэррол двинулся по лестнице.

Пузатый брат Питера развернулся к коридору, зажав под мышкой куртку гостя и почту семейства Килрю, однако тут же резко остановился и глянул вверх, взмахнув конвертом.

– Эй, Пит! Пришла мамина социальная страховка! – удовлетворенно крикнул он.

Эдди уже добрался до второго этажа. Питер, не дожидаясь его, шел к открытой двери в торце странно искривленного коридора. Похоже, дом сильно покосился – разок Эдди, сохраняя равновесие, даже пришлось схватиться за стену. Некоторые половицы отсутствовали. У входа в коридор болталась люстра с хрустальными подвесками, заплетенными паутиной и какими-то грязными волокнами, и из тайников подсознания Эдди выплыл горбун, играющий на глокеншпиле первые такты из увертюры к «Семейке Адамс».

Питер занимал небольшую комнату под свесом крыши. У одной стены стоял исцарапанный карточный стол с пишущей машинкой «Селектрик», издающей тихое жужжание. В машинку был вставлен лист бумаги.

– Вы работали? – поинтересовался Эдди.

– Я никогда не останавливаюсь.

– Что ж, отлично…

Килрю уселся на койку, и Эдди перешагнул порог. Пришлось пригнуть голову – потолок нависал совсем низко. У Питера были странные бесцветные глаза и веки с красной каймой, – возможно, аллергия? Он, не мигая, изучал гостя.

Эдди рассказал ему об антологии, упомянув, что может уплатить автору две сотни долларов с последующими авторскими отчислениями. Килрю кивнул, не задав ни одного вопроса, лишь сухо поблагодарил высоким хрипловатым голосом.

– Что думаете о концовке рассказа? – помолчав, неожиданно заговорил он.

– Вы о «Мальчике»? Мне понравилось, в противном случае я не задумался бы о включении его в сборник.

– В университете Катадина мое произведение возненавидели. Этим девочкам в плиссированных юбках – дочкам богатых папочек – мой рассказ не пришелся по душе, а уж финал – тем более.

– Никто из них не ожидал подобной развязки, – кивнул Эдди, – поэтому некоторых она неприятно поразила. Шокирующие финалы не вписываются в мейнстрим.

– В первой редакции гигант затягивает на шее девушки удавку, – объяснил Килрю, – и та, уже теряя сознание, чувствует, что мальчик закупоривает ее дупло пуговицей со смайликом. В итоге я не решился на подобную концовку и уничтожил последний лист. Вряд ли Нунан опубликовал бы рассказ в таком виде.

– В хорроре часто бывает, что мысли, не вошедшие в окончательный текст, придают ему особую силу, – заметил Эдди, чтобы не молчать. Его вдруг пробил холодный пот. – Дойду до машины – возьму бланки договора.

Он сам не понял, зачем это сказал. Никаких бланков в машине не было, просто нахлынуло внезапное желание глотнуть чистого холодного воздуха.

Пригнувшись, он выбрался в коридор и едва не перешел на бег.

Спустившись по лестнице, Эдди заколебался. Интересно, куда делся жирный братец Питера с его курткой? Помявшись, он двинулся вперед, и, чем дальше шел, тем темнее становилось в коридоре.

Под лестницей Эдди приметил маленькую дверцу и дернул ее за ручку. Дверь не поддалась, и он пошел дальше в поисках гардеробной. Где-то совсем близко зашипел жир на горячей сковороде, пахнуло луком, и раздался звон ножей. Толкнув дверь справа, Эдди заглянул в гостиную. На стенах висели головы животных. Длинный тусклый луч из коридора осветил лежащую на столе красную скатерть со свастикой, и Эдди тихо прикрыл створку.

Чуть дальше, по левой стороне, была открыта еще одна комната. Кухня… Толстяк с голым татуированным торсом стоял у кухонной стойки, разделывая кусок печени. В сосках у него болтались стальные колечки. Кэррол хотел было окликнуть жирдяя, однако тот развернулся к плите, обойдя стойку, и принялся мешать какое-то варево. Из одежды на нем были лишь трусы-стринги, и на удивление тощие бледные ягодицы толстяка подрагивали при каждом шаге. Эдди отступил в темноту и осторожно углубился в коридор.

Внизу полы казались еще более кривыми, чем на втором этаже, что вряд ли соответствовало действительности. Тем не менее, похоже, под домом в свое время произошло землетрясение, и фасад его сместился относительно задней части.

Эдди не понимал, почему не повернул обратно. Какой смысл блуждать в темноте в этом странном хлеву? Ноги сами несли его вперед.

Он открыл еще одну дверь слева – ближе к торцу коридора, и тут же отпрянул от вони и яростного гудения мух. Из комнаты пахнуло теплым неприятным душком. Здесь было темнее всего. Похоже, гостевая спальня. Эдди, уже разворачиваясь, краем глаза заметил какое-то движение на кровати. Прикрыв руками нос и рот, он отважился сделать шаг вперед и подождал, пока зрение не приспособится к мраку.

На кровати лежала худая обнаженная старуха, едва прикрытая простыней. Эдди показалось, что она потягивается, закинув тощие руки за голову.

– Простите, мэм, – пробормотал он, снова двинувшись к выходу, и снова остановился, оглянувшись.

Старуха вновь задвигалась под простыней, не опуская рук. Эдди понял, что за запах ощутил, открыв дверь: зловоние разлагающейся плоти. Он встал как вкопанный, уставившись на женщину.

Наконец привыкнув к темноте, Эдди разглядел, что руки старухи примотаны стальной проволокой к изголовью. Глаза обитательницы комнаты превратились в заплывшие щелки, из горла вырывался тихий хрип; под сморщенными мешочками грудей резко выступали ребра. Над кроватью жужжали мухи. Язык женщины высунулся изо рта и облизал пересохшие губы, однако старуха не произнесла ни слова.

Выскочив в коридор, Эдди побежал прочь на негнущихся ногах. Не заметил ли его толстяк из открытой кухни? Он, не раздумывая, проскочил дальше, краем глаза увидев Питера,

стоящего на лестничной площадке. Тот вопросительно посмотрел сверху, и Эдди небрежно, удивившись сам себе, бросил на ходу:

– Сейчас вернусь с договором!

Он толкнул входную дверь и с грохотом вылетел наружу. Прыгать с крыльца не стал, пересчитал ногами каждую ступеньку. Когда бежишь в страхе, обычно не до ступенек – так и подворачивают лодыжки. Эдди сто раз видел это в ужастиках. Морозный воздух обжег его легкие.

Дверь сарая на этот раз была открыта, и Эдди мимоходом бросил взгляд внутрь. Утрамбованный земляной пол, ржавые крюки и цепи, свисающие со стропил, болтающаяся на стене бензопила… За столом стоял высокий угловатый мужчина. Однорукий. От второй руки осталась лишь неровно заросшая, испещренная шрамами культя. Бесцветные глаза калеки проводили Кэррола осуждающим недобрым взглядом. Эдди улыбнулся и кивнул.

* * *

Распахнув дверцу машины, он упал за руль – и тут же дернулся в панике: ключи остались в кармане куртки! Эдди едва не закричал, однако из горла вырвался лишь истерический смешок. Подобный поворот сюжета он не раз встречал и в кино, и в сотнях рассказов. Герой всегда теряет ключи, либо у него не заводится машина, либо…

Однорукий брат Килрю молча смотрел на Эдди, остановившись в дверях сарая. Кэррол махнул ему рукой, судорожно отсоединяя сотовый от гнезда прикуривателя. Телефон молчал. Связь отсутствовала. Эдди даже не удивился, лишь сдавленно и нервно хихикнул.

На крыльце виднелось два силуэта. Теперь за ним наблюдали все трое. Эдди выбрался из машины, медленно двинулся по подъездной дорожке и перешел на бег, услышав окрик сзади.

Добежав до конца, он пересек дорогу и вломился прямо в чащу. Тонкие ветви хлестали его по лицу; Эдди споткнулся. Упал на колено, порвав брюки, вскочил и тут же бросился вперед.

Ночь выдалась ясной и безоблачной; в бездонном небе сияли мириады звезд. Остановившись на краю крутого склона, Эдди присел на корточки между валунов. Надо отдышаться. В боку кололо, сверху слышались голоса и хруст ветвей. Кто-то крутанул стартер маленького движка – раз, другой, и наконец в ночи раздалось ровное рычание бензопилы.

Эдди кинулся вниз, продираясь сквозь ветви елей, на ощупь перепрыгивая через корни и булыжники. Склон становился все круче. Не упасть бы! Он бежал слишком быстро – так недолго врезаться в препятствие. Останешься потом лежать тут, корчась от боли.

Эдди вновь набрал скорость, пока не почувствовал, что словно парит, покрывая каждым прыжком несколько ярдов темноты. Голова шла кругом, и охватившая его паника странным образом смешивалась с азартным возбуждением. Еще немного, и он взлетит! Черный ночной лес – привычная история. Шансов немного. Эдди понимал, где очутился и *что* следует за ним по пятам. Рассказ, в который ему довелось попасть, близился к финалу, а все сюжетные ходы он знал, как свои пять пальцев. Уж кому-кому, а Эдди обязательно повезет – он наверняка выберется из темной чащи.

Призрак двадцатого века

Перевод Виталия Тулаева

Чаще всего ее можно увидеть при большом скоплении народа, хотя все знают историю о мужчине, который забрел на ночной сеанс в почти пустой кинозал на шестьсот мест. Отсидев половину фильма, он осматривается вокруг и обнаруживает ее в соседнем кресле, которое лишь минуту назад было свободно. Случайный зритель не отрывает от нее глаз, и она отвечает на его взгляд. Ее зрачки страдальчески расширены; из носа течет тонкая струйка крови. *Как болит голова,* шепчет она. *Отойду ненадолго – расскажете потом, что я пропустила?*

Именно в этот миг мужчина осознает: девушка бесплотна, словно голубой луч проектора. Сквозь ее тело просвечивает соседнее кресло. Она поднимается и тает в воздухе.

Еще ходит байка о компании друзей, забежавших в кинотеатр «Розовый бутон» в четверг вечером. Один из парней садится рядом с женщиной в голубом. Сеанс задерживается, и парень пытается завязать с соседкой разговор. *Что показывают завтра? Завтра здесь будет темно и пусто,* отвечает она. *Это последний сеанс.* С началом фильма женщина растворяется в воздухе.

Парень, беседовавший с ней, по пути домой погибает в дорожной аварии.

Каждый из этих рассказов о «Розовом бутоне» – ложь. Обычные выдумки людей, насмотревшихся ужастиков и вообразивших себя знатоками историй о привидениях.

Одним из первых Имоджен Гилкрист увидел сам владелец кинотеатра – Алек Шелдон. Ему семьдесят три, и он до сих пор управляется с проектором на вечерних сеансах. Поговорив с человеком пару минут, Алек всегда скажет, действительно ли тот видел *ее*. Свой опыт он хранит при себе и никогда не станет высмеивать чужие истории – это не лучшая реклама для бизнеса.

Тем не менее Алек уверен: тот, кто утверждает, что *она* прозрачна – лжет. Некоторые выдумщики разглагольствуют о кровотечении из носа, из глаз, из ушей, заявляют, что Имоджен бросала на них умоляющие взгляды, просила вызвать доктора… Какие глаза, какие уши? Это все неправда. Если уж *она* с кем-то заговаривает, то точно не о медицинской помощи. Многие сочинители начинают свой рассказ так: «Знаешь, что я видел? В жизни не поверишь!» И они правы: Алек не поверит, хотя терпеливо выслушает собеседника, подбадривая его легкой улыбкой.

Те, кому в самом деле являлась Имоджен, не побегут делиться с Алеком. Чаще всего он сам вычисляет таких людей: после сеанса они бесцельно блуждают по вестибюлю; у них шоковое состояние, им нужно срочно присесть. Ни один из них не скажет: «Ты не поверишь…» – слишком свежи впечатления. Поверят не поверят… Эта мысль посещает свидетелей гораздо позже. Каждый раз, размышляя о воздействии, которое *она* оказывает на этих редких бедолаг, Алек вспоминает Стивена Гринберга, выходящего прохладным воскресным днем из кинотеатра, не дожидаясь окончания «Птиц».

Наступил 1963-й, Стивену исполнилось двенадцать, и лишь еще через двенадцать лет он станет знаменитостью. Тогда Стивен еще не был золотым мальчиком.

* * *

Алек стоял в переулке за кинотеатром, покуривая сигарету, когда услышал, как открылась дверь запасного выхода. Он обернулся. В дверном проеме маячил высокий парнишка. Прислонился к косяку – и ни туда ни сюда. Мальчик щурился на яркое солнце с обескураженным, удивленным видом только что разбуженного ребенка.

Из темноты за дверью неслись пронзительные крики воробьев, и зоркий глаз Алека различал беспокойно ерзающих в темном зале зрителей; кто-то негромко заплакал.

– Эй, парень! – сказал Алек. – Ты уж решайся – вперед или назад, но дверь прикрой.

Мальчишка, имени которого Алек тогда не знал, повернулся и бросил в кинозал долгий сосредоточенный взгляд. Затем сделал шаг на улицу, и дверь мягко закрылась, повернувшись на пневматических петлях. Мальчик молча замер у входа.

«Птицы» шли уже пару недель, и Алеку случалось видеть зрителей, покинувших зал до окончания картины. Вот только среди них не было ни одного двенадцатилетнего мальчугана – ведь подобных фильмов подростки ждали годами. Впрочем, как знать? Вдруг у ребенка схватило живот…

– Кока-колу забыл, – рассеянно, едва слышно пробормотал парнишка. – Там еще полбутылки…

– Может, вернешься поищешь?

Мальчик посмотрел ему в глаза. Его взгляд был полон тревоги, и Алек все понял.

Только не это…

Он затоптал окурок.

– Я сидел с мертвой тетей, – выдохнул мальчик, и Алек кивнул. – Она… со мной разговаривала.

– Что сказала?

Алек вгляделся в лицо мальчишки. Так и есть – смотрит на дверь кинотеатра расширенными от ужаса глазами.

– Сказала, что в восторге от кино, а когда она в восторге – непременно хочет поболтать.

* * *

Алек знал: если уж *она* с кем-то заговаривает – то исключительно о фильмах. Обычно ее собеседниками становятся мужчины, хотя порой *она* выбирает и женщин. Самый яркий пример – Лоис Вайзель. Алек тщился догадаться, что заставляет *ее* показаться в зале – даже делал заметки в блокноте. Фиксировал, кому *она* явилась, когда и на каком именно фильме:

Лиланд Кинг – «Гарольд и Мод», 1972.

Джоел Харлоу – «Голова-ластик», 1977.

Хэл Лэш – «Просто кровь», 1985…

Со временем у него появилась теория о необходимых условиях, способствующих ее появлениям; впрочем, некоторые положения приходилось регулярно дорабатывать.

В молодости Алек не переставал о ней думать, пусть порой эти мысли и уходили на задний план. *Она* стала настоящим наваждением. Было время, когда ее образ отступил: кинотеатр процветал, и Алек превратился в уважаемого бизнесмена, к мнению которого прислушивались и в торгово-промышленной палате, и в городском совете. Иногда он не вспоминал о ней неделями, а потом она снова показывалась (а может, люди выдумывали), и рассказы очевидцев вновь бередили его душу.

Потом был развод. Оставив дом бывшей жене, Алек перебрался в комнатку под кинотеатром. Через несколько лет за городом открылся новый кинокомплекс на восемь залов, и навязчивые идеи тут же дали о себе знать. Впрочем, на этот раз Алека больше беспокоила судьба кинотеатра, хотя, по большому счету, – какая разница? Да никакой. Думаешь о «Розовом бутоне» и все равно возвращаешься к *ней*. Кто мог предположить, что он так быстро состарится, да еще и влезет в долги? Алек заработал бессонницу; в голове постоянно крутились дикие, отчаянные проекты – кинотеатр следовало спасать. Только и думаешь, что о выручке, персонале и продаже ненужного оборудования.

Пытаешься забыть о деньгах – тут же новые мысли: куда податься, если закрыть бизнес? В дом престарелых? Матрацы, провонявшие обезболивающими мазями, сгорбленные маразматики со вставными челюстями, просиживающие в общей комнате за просмотром мыльных опер… Отличное местечко для того, чтобы тихо уйти из жизни. Уподобляешься обоям, медленно выцветающим под солнечным светом из окошка…

Одним словом, ничего хорошего. Еще хуже становится, когда прикидываешь: а что будет с *ней*, если «Розовый бутон» прикажет долго жить? Пустой гулкий зал, из которого давно вынесли кресла, залежи пыли в углах, окаменевшая жвачка, намертво приставшая к цементу… В кинотеатре пьют и трахаются местные подростки. Кругом раскиданы пустые бутылки, на стенах – безграмотные граффити, а перед экраном, словно насмешка, валяется использованный презерватив. Покинутое, разгромленное здание. *Она* уйдет…

А если нет? Это еще хуже.

Он *ее* видел, говорил с *ней*. Ему тогда было пятнадцать; недели не прошло с тех пор, как Рэй погиб в южной части Тихого океана. Алек еще не успел оплакать старшего брата, когда президент Трумэн прислал письмо с соболезнованиями – письмо формальное, однако подпись внизу была настоящей. Годы спустя он осознал, что ту неделю провел в состоянии шока, потеряв человека, которого любил больше всего на свете. Конечно, Алек получил тогда психологическую травму, хотя о таких диагнозах в сорок пятом слыхом не слыхивали. Под шоком тогда понимали разве что контузию после артобстрела…

Матери он врал, что по утрам уходит в школу, только в школе его не видели – Алек слонялся по городу в поисках приключений на свою задницу. Воровал конфеты в «Американ Ланчеонетт» и объедался ими на заброшенной обувной фабрике – та закрылась, а работники ушли на фронт – кто во Францию, кто на Тихоокеанское побережье. Потом, набив живот сладким, тренировал бросок, швыряя камнями в окна.

Он прошел по переулку к задам кинотеатра. Гладкая металлическая дверь без ручки была прикрыта неплотно, и Алек, подцепив ее край ногтями, проник внутрь. Сеанс начинался в 15.30, и народу в «Розовый бутон» набилось немало – в основном детишки с мамами. Утопленный в стене пожарный выход располагался чуть выше уровня зрительного зала, и в скрывающей его тени вторжения безбилетника никто не заметил. Пригнувшись, он прошел между рядами и сел сзади.

* * *

– Говорят, Джимми Стюарт[2] уехал на Тихий океан, – рассказывал приехавший на побывку брат, пока они играли в мяч на заднем дворе. – Представляешь, мистер Смит участвует в ковровой бомбардировке – выбивает красную нечисть из Токио? Бредовая идейка, тебе не кажется?

Рэй считал себя настоящим киноманом, и они с Алеком за месяц посмотрели все, что поступало в прокат: и «Батаан», и «На линии огня», и «Иди своим путем».

* * *

Перед картиной показывали трейлер очередной серии длинного фильма о последних приключениях поющего ковбоя. У главного героя были длинные ресницы и темные, почти черные губы. Фильм Алека не заинтересовал. Поковыряв в носу, он задумался, как бы раздобыть бутылку колы. Денег у него не было. Тем временем начался сеанс.

---

[2] Джеймс Стюарт – американский актер, сыгравший главную роль в фильме «Мистер Смит едет в Вашингтон» *(прим. перев.)*.

Сперва Алек не понял, что это вообще за кино, хотя предполагал, что пробрался на мюзикл. Сначала на экране появился оркестр перед синим занавесом. Потом вышел конферансье в накрахмаленной рубашке и рассказал зрителям о предстоящем им небывалом развлечении. Дальше он болтал об Уолте Диснее и художниках его киностудии, и Алек сполз вниз в своем кресле, уронив голову на грудь. Оркестр разразился мощным вступлением струнных и духовых инструментов. Сбылись худшие опасения Алека – какой там мюзикл? Обычный музыкальный мультик. А на что он рассчитывал? В зале полно малышни. Чего ждать от дневного сеанса в будний день, который предваряется показом трейлера к серии про напомаженного мурлыку из диких прерий?

Через несколько минут Алек, приподняв голову, осторожно выглянул сквозь щелку между пальцев. Пока на экране мелькало нечто абстрактное: серебристые капли дождя падали на землю на фоне клубящегося дыма; пепельно-серое небо озарялось золотистыми всполохами. Алек уселся поудобнее. Ощущения были странными. Вроде скучно – и в то же время интересно. Изображение оказало на Алека гипнотический эффект: тонкие красные нити метались в водовороте звезд и облачных за́мков, сверкающих в багровых лучах заходящего солнца.

Малыши беспокойно ерзали в креслах. Одна маленькая девочка спросила громким шепотом: «Мам, а когда будет Микки?» Дети нетерпеливо ждали окончания сеанса, словно звонка на перемену. Действо перешло в следующую стадию, и оркестр заиграл Чайковского. Алек напряженно выпрямился, даже наклонился вперед, упершись локтями в колени. Над темным лесом порхали феи, касаясь волшебными палочками цветов и скоплений паутины, оставляя за собой широкий шлейф сверкающей росы. Алек ошеломленно, с непривычным чувством тоски следил за их полетом. У него вдруг родилось ощущение: за этим зрелищем можно наблюдать вечно.

– Так и сидела бы здесь всю жизнь, – произнес сбоку девичий голос. – Сидела бы и смотрела…

Алек и не подозревал, что соседнее кресло занято, и едва не подпрыгнул, услышав тихий голосок. Он знал наверняка, что в начале сеанса ни справа, ни слева от него никого не было.

Ей наверняка не больше двадцати – всего на несколько лет больше, чем Алеку. Какая девушка! Его сердце забилось чаще – только бы ничего не испортить… В ее по-детски удивленной улыбке светилось восхищение, и Алеку захотелось сказать что-нибудь умное, вот только слова застряли в горле.

Соседка наклонилась к нему, по-прежнему не сводя глаз с экрана, и мягко тронула его за локоть.

– Простите, если побеспокоила, – прошептала она. – Обязательно нужно с кем-то поболтать, если кино захватывает. Ничего не могу с собой поделать.

Он сразу кое-что отметил: во-первых, даже через свитер чувствовалось, что ее рука холодна как лед. Во-вторых, на верхней губе девушки, под левой ноздрей, повисла капелька крови.

– У вас кровь из носа течет, – вполголоса сказал он (кажется, слишком громко), и тут же пожалел.

Другой возможности произвести впечатление не будет… Ему бы подать девушке платочек, прошептав бархатным голосом Синатры: «Вы вся в крови…». Алек пошарил по карманам, однако ничего подходящего не нашел.

Девушка, оставив его слова без ответа, рассеянно провела рукой под носом, размазав кровь по верхней губе, и Алек, так и не вынув рук из карманов, замер, разглядывая ее. Что-то с ней не так… Было нечто странное в их коротком разговоре в темном кинозале, и Алек машинально выпрямился в кресле, отодвинувшись от девушки.

Она тихонько засмеялась происходящему на экране и вновь наклонилась к нему.

– Разве это для детей? Гарри Парселлс любит свой кинотеатр, но фильмы выбирать не умеет.

Из ее левой ноздри на губу стекла новая струйка крови, однако Алека поразило кое-что еще. Они сидели прямо под амбразурой будки киномеханика, и в голубом луче проектора кружили мотыльки и еще какая-то крылатая мелочь. Один из мотыльков, спикировав на ее лицо, пополз по щеке, однако она словно ничего не заметила, и у Алека на миг сбилось дыхание.

Она снова зашептала:

– Он ведь думает: раз мультик – значит, детям понравится. Странное дело – Гарри так увлекается кино, и так мало о нем знает… Недолго ему осталось здесь заправлять.

Она с улыбкой глянула на Алека, показав окрасившиеся кровью зубы, а тот словно прилип к креслу. Еще один снежно-белый мотылек сел ей на шею рядом с нежным ухом.

– Рэю мультфильм пришелся бы по душе, – продолжила она.

– Сгинь… – хрипло выдавил Алек.

– Этот кинотеатр – твое место. Наше место, – отозвалась она.

Наконец он преодолел оцепенение, вскочив на ноги. Первый мотылек уже забрался ей в волосы. Алек, тихо застонав, сделал шаг к проходу, а она не сводила с него глаз. Пробираясь между рядов, он наступил на ногу толстому парнишке в полосатой футболке. Тот взвизгнул, сердито зыркнув в его сторону, и Алек на миг отвел взгляд от своей соседки.

Смотри, куда прешь, тупица…

Обернувшись к девушке, Алек обнаружил, что та обмякла на сиденье, свесив голову на плечо и непристойно раскинув ноги. Прошла всего секунда, а кровавые потеки из носа уже запеклись, и тонкие губы девушки словно подвели коричневой каймой; глаза закатились, попкорн из перевернутого стаканчика просыпался на подол платья.

Она не шевелилась. Алек, едва сдержав рвущийся из горла крик, вновь посмотрел на сердитого мальчишку. Тот вскользь глянул на кресло, в котором лежала мертвая девушка, отвернулся, как ни в чем не бывало и, презрительно ухмыльнувшись, вопросительно уставился на Алека.

– Сэр, – сказала мать толстячка, – проходите быстрее. Вы нам мешаете.

Алек моргнул: кресло рядом с его местом было сложено. Мертвая девушка исчезла. Он быстро двинулся к проходу, стукаясь о чьи-то колени. Несколько раз чуть не упал, цепляясь за сидящих зрителей. И тут зал взорвался криками и аплодисментами. Сердце Алека бешено забилось, и он, вскрикнув от неожиданности, обернулся через плечо. На экране появился долгожданный Микки Маус в мешковатых красных подштанниках.

Алек, пробежав по проходу, толкнул обитые кожей двери и, зажмурившись от дневного света, вырвался в вестибюль. Накатила жуткая слабость. Кто-то схватил его за плечо и, развернув, довел до лестницы на балкон. Алек тяжело осел на нижнюю ступеньку.

– Отдышись, – сказали ему. – Посиди. Уверен, что тебя не стошнит?

Он помотал головой.

– Если не уверен, подожди: я принесу пакет. Пятна с этого ковра оттереть не так-то просто. Зрители не больно разбегутся покупать попкорн, если здесь будет вонять рвотой.

Мужчина, немного повременив, молча повернулся и зашаркал прочь, однако быстро вернулся.

– Вот, держи. За счет заведения. Пей не торопясь, сразу полегчает.

Алек сжал в руках покрытый холодной испариной картонный стакан и, нащупав губами трубочку, сделал глоток пузырящейся ледяной колы. Подняв глаза, он обнаружил нависшего над ним высокого мужчину с покатыми плечами и заметным брюшком. Темный ежик, встревоженные бесцветные глазки за нереально толстыми стеклами очков.

– Там мертвая девушка, – пробормотал Алек, не узнав собственный голос.

Высокий мужчина, резко побледнев, бросил тоскливый взгляд в сторону кинозала.

– Никогда ее не было на дневных сеансах… Думал, что она появляется только по вечерам. Господи, это ведь детский мультик! Ну чего ей от меня надо?..

Алек откашлялся, не в силах избавиться от мыслей о мертвой девушке, и наконец выдавил:

– Мультик вовсе не детский.

– Еще какой детский, это ведь Уолт Дисней, – с легким раздражением возразил мужчина.

– Вы – Гарри Парселлс? – помолчав, пробормотал Алек.

– Ну да, а ты откуда знаешь?

– Так, догадался. Кстати, спасибо за колу.

Гарри провел его за торговые прилавки, открыл дверь, и они спустились на площадку первого этажа. Справа находился маленький, заваленный коробками с кинопленкой офис. Стены пестрели выцветшими, неаккуратно налепленными афишами: «Город мальчиков», «Дэвид Копперфилд», «Унесенные ветром».

– Похоже, она тебя напугала? – спросил Гарри, плюхнувшись в кресло за офисным столом. – Пришел в себя? На тебе лица нет.

– Кто она?

– У нее что-то лопнуло в мозгу, – ответил Гарри, приставив палец к виску. – Это произошло шесть лет назад – прямо во время премьерного показа «Волшебника страны Оз». Жуткое дело. Она не пропускала ни одного фильма. Мы с ней часто разговаривали, слегка дурачились… – Его голос дрогнул, и Гарри, смущенно помолчав, положил толстые руки на стол. – А теперь она пытается довести меня до банкротства.

– Вы ее тоже видите, – уверенно сказал Алек, и Гарри кивнул.

– Первый раз она явилась через несколько месяцев после смерти. Сказала, что это место – не мое. Понятия не имею, с чего она решила отобрать у меня кинотеатр – мы ведь прекрасно ладили. Тебе тоже предложила убираться?

– Что она здесь делает? – спросил Алек, будто не расслышав.

В горле все еще стоял ком. Наверное, глупый вопрос…

Гарри долго и недоуменно смотрел на него сквозь толстые очки и, наконец, тряхнув головой, объяснил:

– Она несчастна. Умерла, не досмотрев «Волшебника», вот и тоскует. Могу ее понять. Отличный был фильм. Я бы на ее месте чувствовал, что меня ограбили.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь? – послышался голос из вестибюля.

– Минутку! – крикнул Гарри, бросив на Алека страдальческий взгляд. – Девушка-киоскер вчера сообщила, что намерена уволиться. Даже времени найти замену не дала.

– Это… из-за призрака?

– Что? Черт, да нет. Она уронила в попкорн накладной ноготь, так что я приказал ей: больше никакого маникюра. Кто обрадуется, обнаружив в стакане ноготь? А она говорит: сюда ходит полно знакомых мальчиков, так что без маникюра ей работать неприятно. Предложила мне продавать попкорн самому, – рассказал Гарри, выбираясь из-за стола с газетной вырезкой в руке. – Вот, почитай, здесь о *ней* все написано. И не убегай, мы с тобой еще не закончили, – строго предупредил он, хмуро глянув на Алека.

Тот проводил Гарри взглядом, размышляя, что означает его просьба, и поднял вырезку. Некролог… Бумажка была ветхой, помятой, с выцветшим шрифтом – похоже, ее не раз перечитывали. Звали девушку Имоджен Гилкрист, на момент смерти ей исполнилось девятнадцать. Работала в канцелярском магазине на Уотер-стрит. Родители – Колм и Мэри – пережили свою дочь. Все дружно вспоминали о ее заразительном смехе и прекрасном чувстве юмора, рассказывали, как Имоджен любила кино: смотрела все, что выходило в прокат, посещая премьерные показы. Могла перечислить актерский состав любого фильма – какой ни назови. Имоджен была словно фокусница – вспоминала даже имена актеров, занятых в эпизодах. В старшей школе

она возглавляла драматический кружок, принимала участие в каждой постановке, продумывала декорации и освещение. «Считал, что она станет кинозвездой, – говорил ее преподаватель драматического искусства. – С такой внешностью, с таким искренним смехом… Попадись она на глаза хорошему режиссеру – назавтра проснулась бы знаменитой».

Прочитав некролог, Алек осмотрелся. Гарри еще не вернулся. Он перевел взгляд на вырезку, осторожно погладив ее уголок. Как несправедливо! У него начало жечь глаза. Только расплакаться не хватало… Уж совсем ни в какие ворота. Что это за мир, где молодая, веселая, полная жизни девушка на ровном месте умирает! Алек сознавал, что странно так переживать по совершенно незнакомому человеку, однако вспомнил Рэя и письмо президента с выражениями «пал смертью храбрых», «защищая свободу» и «Америка гордится». Вспомнил, как они с Рэем смотрели «На линии огня» в этом самом кинотеатре: сидели рядышком, касаясь друг друга плечами и закинув ноги на соседние кресла. «Только глянь на Джона Уэйна, – заметил брат. – Для него потребовалось бы два бомбардировщика – один вез бы Джона, другой – его яйца». Глаза Алека нестерпимо защипало; дыхание сперло. Он потер мокрый нос и попытался не разрыдаться в голос.

Вытерев лицо подолом рубашки, Алек положил некролог на стол и занялся разглядыванием афиш и коробок с кинолентами. В углу комнаты валялся завиток пленки – на десяток кадров. Интересно, из какого фильма? Подобрав обрывок, он рассмотрел на пленке девушку с закрытыми глазами и запрокинутым лицом: вот-вот поцелует обнимающего ее мужчину. Алеку хотелось, чтобы и его когда-нибудь так поцеловали. Как волнительно держать в руках кусок настоящего фильма! Повинуясь внезапному порыву, он спрятал пленку в карман и вышел из офиса на лестницу.

Куда пропал хозяин кинотеатра? Сверху донеслось тихое жужжание и какие-то щелчки. Ага, проектор! Похоже, Гарри меняет бобину.

Алек забрался по ступенькам и вошел в будку киномеханика – темное помещение с низким потолком и парой квадратных проемов, выходящих в зрительный зал. Огромный «Витафон» – тусклая махина из нержавеющей стали – стоял у одного из окошек. Гарри примостился сбоку, склонившись к амбразуре, через которую в зал падал луч проектора. Услышав шаги, Парселлс бросил на Алека короткий взгляд, однако не прогнал – лишь кивнул и снова отвернулся к окошку.

Алек осторожно подобрался ко второму проему – *можно?* – и прислонился к стеклу, разглядывая темный зал.

Кинотеатр был залит глубоким голубоватым светом от экрана: тот же дирижер, тот же оркестр. Диктор объявлял следующую часть. Алек скосил глаза вниз и легко нашел свое место в пустом правом углу задних рядов. Он подсознательно ожидал увидеть *ее*, с задранным вверх лицом и капелькой крови на губе – вдруг заметила наверху его, Алека? Сразу нахлынули страх и непонятное возбуждение, однако *ее* в кресле не было, и Алек удивился своему разочарованию.

Заиграла музыка; запела скрипка, забирая то высокие, то низкие ноты, затем тяжело заухала духовая секция – прямо военный марш! Взгляд Алека переместился на экран – переместился и застыл. По спине пробежал озноб, руки покрылись мурашками.

На экране поднимались из могил мертвецы; целая армия водянисто-белесых призраков восстала из земли, уходя в ночь. Плечистый демон, оседлавший вершину горы, манил к себе покойников. И они пошли. Истлевшие саваны развевались на изможденных телах; лица мертвецов были тоскливы, печальны…

Алек задержал дыхание, чувствуя, как в груди поднимается волна страха и удивления.

Демон расколол гору, и разверзся Ад. В расщелине вспыхнули огни, внизу запрыгали, затанцевали бесы. Алек понял: фильм про войну, про его брата, погибшего ни за что ни про что на тихоокеанских рубежах – *Америка гордится.* Фильм об искалеченных воинах, о том,

как их промокшие раздутые тела покачивались в прибое, бьющем в дальневосточный берег. Это была картина про Имоджен Гилкрист, дочь Колма и Мэри, которая так любила кино и умерла в девятнадцать лет от кровоизлияния в мозг, непристойно раскинув ноги в проходе зрительного зала. Фильм рассказывал о молодых парнях, молодых здоровых парнях, в телах которых понаделали дырок, и жизнь уходила из них толчками артериальной крови; их мечты не сбылись, их планы пошли прахом. О парнях, которые любили и были любимы, – они ушли, чтобы уже не вернуться.

«Я, Гарри Трумэн, сегодня молюсь за него…», «…считал, что она станет кинозвездой…» – вот и все, что от них осталось.

Где-то далеко прозвонил церковный колокол, и Алек поднял взгляд на экран. Ряды мертвых таяли во тьме, а демон распахнул огромные черные крылья, спрятав глаза от надвигающейся зари. Музыка наплывала негромкими, вкрадчивыми волнами. В холодном небе появились проблески голубизны; зародился рассвет, озарив кроны берез и северных сосен.

Алек досмотрел фильм, испытывая чуть ли не религиозный трепет.

– А мне больше нравится «Дамбо», – буркнул Гарри, щелкнув выключателем на стене.

Голая лампочка залила помещение резким белым светом. Конец ленты выскочил из проектора и ушел во вторую бобину, которая закрутилась, хлопая хвостиком пленки. Гарри выключил «Витафон» и глянул на Алека.

– Выглядишь уже лучше, вон и румянец на щеки вернулся.

– О чем вы хотели поговорить?

Алек вспомнил хмурый взгляд Гарри, когда тот выскочил из офиса, приказав ему оставаться на месте. Вдруг он знает, что я прошел без билета? Будет скандал…

– Хотел вернуть тебе деньги за билет или предложить два бесплатных прохода на любой фильм, – сказал Гарри. – Это все, что я могу.

Алек долго молчал, уставившись на хозяина кинотеатра.

– За что?

– За что? За твое молчание. Знаешь, что будет с кинотеатром, если история про *нее* выплывет наружу? Боюсь, люди не захотят платить деньги за соседство с болтливой мертвой девушкой в темном зале.

Алек потряс головой. Значит, зрители откажутся от кино, если выяснится, что «Розовый бутон» – дом с привидениями? Так считает Гарри? Алек придерживался другого мнения: все будет как раз наоборот. Люди готовы раскошелиться, чтобы испытать страх во тьме. Иначе почему народ идет на ужастики?

Он вспомнил, что сказала Имоджен о Гарри: «Недолго ему осталось здесь заправлять».

– Так чего же ты хочешь? – осведомился Гарри. – Абонемент?

Алек снова помотал головой.

– Деньги?

– Нет.

Гарри замер с бумажником в руке, удивленно и сердито посматривая на Алека.

– Тогда что?

– Как насчет работы? Кто-то ведь должен продавать попкорн. Обещаю не носить на смену накладные ногти.

Гарри долго не отводил от него взгляда, затем сунул кошелек в задний карман.

– По выходным работать сможешь?

* * *

В октябре начинают ходить слухи, что Стивен Гринберг вернулся в Нью-Гемпшир для натурных съемок к новому фильму. В главных ролях вроде бы Том Хэнкс и Хэйли Джоел

Осмент, а фильм – про запутавшегося учителя, работающего с малолетними гениями. Алека интересует только одно – похоже, Стивен на пути к новому «Оскару». И все же он предпочитает его ранние работы в стиле саспенса и фэнтези.

Удастся ли пробиться на съемочную площадку? *Видите ли, я ведь знаю Стивена с пеленок…* Дадут ли ему поговорить с ним? Поразмыслив, он отказывается от своего плана. Наверняка в Новую Англию приедут сотни людей, каждый из которых расскажет, что хоть раз в жизни да общался со Стивеном. Алек и сам говорил с ним лишь однажды – в тот день, когда Стивен увидел *ее*. Ни до, ни после они лицом к лицу не встречались.

Так что Алек был безмерно удивлен, получив в пятницу вечером звонок от личного ассистента Стивена – жизнерадостной деятельной женщины по имени Марсия. Она ставит Алека перед фактом: Стивен рассчитывает с ним встретиться. Если Алек сможет подскочить – *удобно ли ему в воскресенье, прямо с утра?* – то его будут ждать у главного корпуса академии. Хорошо бы часиков в десять, бодро говорит она и бросает трубку. Лишь по окончании разговора Алек понимает: это не приглашение. *Извольте явиться.*

Один из помощников Стивена, мужчина с эспаньолкой, встречает Алека у главного корпуса и провожает его до съемочной площадки. Алек присоединяется к небольшой кучке людей, наблюдая издали, как Хэнкс и Осмент бродят по квадратной зеленой лужайке, усеянной опавшей листвой. Хэнкс задумчиво кивает, прислушиваясь к оживленной болтовне напарника. Прямо перед ними катится тележка оператора – два человека сидят на ней с камерой, еще двое подталкивают сзади. Стивен с небольшой группой участников действа стоит поодаль, наблюдая за кадром в видеомониторе. Алек с удовольствием следит за работой профессиональных актеров – раньше на съемках ему бывать не доводилось.

Наконец Стивен удовлетворен. Немного пообщавшись с Хэнксом на понятные только им темы, он направляется к толпе, в которую затесался Алек, и высматривает его застенчивым и в то же время пытливым взглядом. Наконец углядев старика, Стивен расцветает широкой улыбкой, показав щель между передними зубами, и поднимает руку в приветственном жесте. На миг известный режиссер становится тем самым долговязым мальчишкой из прошлого.

Не желает ли Алек перекусить? В буфете есть содовая и хот-доги. По пути Стивен явно нервничает, позвякивает мелочью в кармане, искоса поглядывая на Алека. Наверняка хочет поговорить об Имоджен, только не знает, как приступить… Наконец начинает – с воспоминаний о «Розовом бутоне». Рассказывает, как любил их маленький кинотеатр, сколько великих фильмов впервые увидел в родном городе. Алек улыбается и поддакивает, втихомолку удивляясь: похоже, Стивен все это себе внушил – ведь он никогда не ходил в кино после «Птиц». Ни одного из перечисленных им фильмов мальчик в «Розовом бутоне» не видел.

Стивен, запинаясь, интересуется, что станет с кинотеатром после того, как Алек отойдет от дел. Нет-нет, он ни на что не намекает! А все же: сколько еще Алек планирует работать?

Вряд ли долго… Больше Алеку сказать нечего. Ни к чему унижаться, выпрашивая подачки, хотя что же еще его сюда привело? Едва получив приглашение Стивена, он уже начал фантазировать – как они разговорятся о «Розовом бутоне», и как он убедит богача Стивена, человека, преданного кинематографу, бросить ему спасательный круг.

Старые кинотеатры – это национальное достояние, говорит Стивен. Кстати, он уже купил парочку – хотите верьте, хотите нет. Вдохнул в них новую жизнь. Неплохо бы и с «Розовым бутоном» провернуть подобный проект. Оказывается, Стивен давно вынашивает эту мечту.

Вот и шанс, на который надеялся Алек. Именно сейчас и следует рассказать Стивену, что «Розовый бутон» на грани гибели, однако Алек меняет тему. Так и не набрался мужества…

Какие у Стивена дальнейшие планы, спрашивает он.

Хотелось бы взяться за один ремейк, отвечает Стивен, искоса поглядывая на старика. Вы не поверите… Он вдруг касается руки Алека. Возвращение в Нью-Гемпшир разбудило в нем некоторые воспоминания. Об одном старом друге, понимает ли его Алек?

О старом друге?.. Ах да. До Алека доходит.

Стивен рассказывает о плохом сне: вроде как «Розовый бутон» закрылся – на дверях замок на цепи, окна заколочены, а внутри плачет девушка. Стивен нервно улыбается. *Смешно, правда?*

Алек едет домой, то и дело вытирая холодный пот со лба. Почему он ничего не сказал, почему не сумел выдавить из себя ни слова? Гринберг буквально умолял его взять деньги. В какого же глупого и бесполезного старика превратился Алек…

На автоответчике его ждут девять сообщений. Первое – от Лоис Вайзель. Сто лет ее не слышал. Голос встревоженный. *Здравствуйте, Алек, это Лоис Вайзель из Бостонского университета.* Словно он мог ее забыть! Имоджен явилась ей на «Полуночном ковбое». Лоис сейчас преподает документальное кино в магистратуре. Совпадение? А Стивен Гринберг, который стал режиссером – тоже совпадение? *Сможете мне перезвонить? Хотела с вами поговорить о… Словом, позвоните мне, пожалуйста.* Она смеется. Странный, испуганный смех. *Нет, наверное, это все глупости.* Она тяжело вздыхает. *Просто хотела выяснить, что происходит с «Розовым бутоном». У меня плохое предчувствие. Жду звонка…*

Следующее сообщение – от Даны Ливеллин. Дане *она* явилась на «Дикой банде». Еще одно – от Шейн Леонард: «Американские граффити». Дарен Кэмпбелл: «Бешеные псы».

Некоторым из них приснился сон, как и Стивену: заколоченные окна, замок на цепи, плачущая девушка. Другим вроде бы просто захотелось поболтать. К тому времени, как запись обрывается, Алек уже сидит на полу, беспомощно сжав кулаки и плача от бессилия.

За последние четверть века Имоджен видело человек двадцать, и почти половина из них сегодня оставили ему сообщения с просьбой перезвонить. Еще десяток свяжется с Алеком в течение следующих двух-трех дней. Все спросят о «Розовом бутоне», все расскажут о своих снах. Алек пообщается почти с каждым из тех, с кем Имоджен испытала потребность заговорить. Среди них – преподаватель актерского мастерства, менеджер пункта по прокату видеокассет, бывший финансист, в молодости писавший злые остроумные рецензии на фильмы для «Лэнсдаун рекорд» – всех не перечесть. Вся компания, стекавшаяся по воскресеньям в «Розовый бутон» вместо похода в церковь… Они молились по текстам Пэдди Чаефски, пели гимны на музыку Джона Уильямса; их настойчивому внутреннему зову Имоджен противостоять не могла. Алек и сам был из их когорты.

После продажи «Розовый бутон» пару месяцев стоит на ремонте, обзаводясь новыми креслами и потрясающей акустикой. Десяток мастеров, выставив в зале строительные леса и вооружившись кисточками, восстанавливают пришедшую в упадок гипсовую лепнину на потолках. Ремонт завершается, и Стивен, как новый собственник, нанимает персонал. Алек дает согласие на некоторое время остаться управляющим.

Лоис Вайзель приезжает по три раза в неделю – снимает документальный фильм о восстановлении кинотеатра. Ей помогают студенты – кто чем может: настраивают звук и электрику, выполняют черновую работу. Стивен намерен закатить гала-представление в честь славного прошлого «Розового бутона». В первый вечер пройдет двойной сеанс: в кинотеатре покажут «Волшебника страны Оз» и «Птиц». Алек не возражает, хотя его охватывает нервная дрожь.

Наступает день открытия. Такого наплыва публики «Розовый бутон» не видел со времен «Титаника». Местное телевидение ведет репортаж, снимая проходящих в зал нарядных зрителей. Здесь и Стивен – как без него. С чего бы еще подобный ажиотаж? Впрочем, Алек считает, что продал бы полный зал и без его участия. Каждому любопытно взглянуть, во что превратился старый кинотеатр. Они со Стивеном, вырядившись в смокинги, позируют для фотографов – встав под навесом центрального входа, обмениваются рукопожатиями. Стивен специально приобрел смокинг от «Армани», Алек достал тот, в котором был еще на собственной свадьбе.

Стивен наклоняется к нему, прижавшись плечом к плечу. *Чем займешься?*

До того как Стивен вложился в «Розовый бутон», Алек сам сидел в кассе, продавая билеты, а потом поднимался наверх, к проектору. Теперь же это делают специально нанятые люди.

Пожалуй, посмотрю фильм…

Займи для меня кресло. Я приду только ко второй части, на «Птиц», – надо будет пообщаться с прессой.

Камера Лоис Вайзель стоит прямо в зале напротив центрального входа, снимает зрителей на специальную высокочувствительную пленку для ночных съемок. Лоис интересует реакция людей на «Волшебника страны Оз». Этими кадрами должна завершиться ее хроника: полный зал, наслаждающийся классикой двадцатого столетия в восстановленном с особой любовью старом кинотеатре.

Вот только съемка закончится совсем не так, как ожидала Лоис.

В самом начале документальной киноленты мы увидим Алека, сидящего в заднем правом углу зрительного зала. Стекла его очков сияют голубоватыми бликами. Кресло справа от него, прямо перед проходом, пустует. Это единственное незанятое место. Алек изредка запускает руку в кулек с попкорном и сидит, улыбаясь, – с благоговением смотрит на экран, слегка приоткрыв рот.

На одном из кадров Алек оборачивается к соседнему креслу, в котором откуда-то появляется женщина в голубом платье. Старик наклоняется к ней. Они целуются – ошибиться невозможно, однако никто вокруг не обращает на них внимания. «Волшебник страны Оз» заканчивается, и Джуди Гарланд печальным нежным голосом нараспев повторяет пять заветных слов. Они известны всем – это лучшие пять слов киноленты.

В следующем кадре включается освещение. Алек тяжело осел в кресле, над его телом толпятся люди. Стивен Гринберг стоит в проходе и, срываясь на визг, кричит: «Вызовите доктора!» Плачет ребенок. Зал тихо и взволнованно гудит.

Однако самые главные кадры идут как раз перед печальным финалом, занимая лишь несколько секунд. На них – Алек и его неизвестная спутница. Всего сотня кадров, однако они принесут Лоис Вайзель славу. Славу и огромные деньги. Их станут крутить в шоу, посвященных сверхъестественным явлениям, смотреть и пересматривать на встречах любителей необъяснимого. Их будут изучать, о них будут писать, развенчивать и вновь обращаться к ним.

Давайте и мы посмотрим на эту знаменитую запись.

Алек наклоняется к *ней*, и юная женщина откидывается в кресле, прикрыв глаза и полностью отдаваясь в его власть. Он снимает очки, легонько обнимая *ее* за талию. Настоящий поцелуй из кино – о подобном мечтает каждый. Смотришь и думаешь – пусть этот миг длится вечно… А с экрана звучит тонкий храбрый голосок Дороти, отдаваясь эхом в темном зале. Она говорит о доме, и эти слова знает каждый.

Схлоп-арт

Перевод Виталия Тулаева

Когда мне было двенадцать, моим лучшим другом стал надувной мальчик – Артур Рот. Нормальная еврейская фамилия для надувного пацана, хотя в наших беседах о загробном мире Арт ничем на свое еврейское происхождение не намекал. В беседах и заключалась наша дружба. Более активный досуг Арту точно не светил, и мы нередко возвращались к теме смерти, рассуждая: что там, за гранью? Наверное, Арт отдавал себе отчет, что дожить до окончания старшей школы будет большой удачей. До того как мы познакомились, он уже десяток раз едва не сыграл в ящик – практически по разу за каждый год своей жизни. Конечно, приятель думал о загробной жизни и опасался, что это всего лишь выдумка.

Если я сказал «беседовали» – это не значит, что мы общались вслух. Да, спорили, рассуждали, опровергая или поддерживая аргументы собеседника, но говорил только я. У Арта не было рта. Он выражал свои мысли на бумаге, поэтому на шее у него всегда висел блокнотик, а в кармане лежали цветные мелки. Ответы на уроке и контрольные он писал мелками на бумаге. Представляете, какую опасность таили в себе заточенные карандаши для мальчика весом в четыре унции, тело которого состояло из целлулоида, накачанного воздухом?

По-моему, мы и подружились лишь потому, что Арт замечательно умел слушать. Мать с нами не жила, а из отца собеседник был тот еще, и мне требовался слушатель. Мама ушла, когда мне исполнилось три, отправив отцу бессвязное путаное письмо из Флориды. Писала что-то о пятнах на солнце и гамма-излучении, о радиации, которую источают высоковольтные линии, и о родимом пятне на левой руке, которое переползло на плечо. Потом пришла еще пара открыток – и на этом все.

Отец мучился мигренями и проводил дни за просмотром мыльных опер. Он был слезлив и жалок, ненавидел, когда его тревожили, и не желал ничего слушать. Не стоило и пытаться.

«Опять бла-бла-бла, – каждый раз прерывал отец мои рассказы на полуслове. – У меня голова раскалывается. Угробишь ты меня своей болтовней».

А вот Арт слушать любил. Что ж, услуга за услугу: он меня слушал, я его защищал. Сверстники меня опасались – я пользовался не лучшей репутацией, да еще и владел пружинным ножом. Иногда приносил его в школу и невзначай вытаскивал в коридоре из кармана – наводил на них страху. Впрочем, единственным объектом, испытавшим грозную силу клинка, была стена моей спальни. Лежа на кровати, я раз за разом метал нож в пробковую панель, стараясь попасть острием.

Однажды Арт обратил внимание на дырки в стене и тут же попросил разрешения сделать бросок.

– Ну что ты за человек? – сказал я. – Наверное, у тебя голова опилками набита. Забудь раз и навсегда.

Немедленно вытащив коричневый мелок, он написал:

«Позволь хотя бы глянуть».

Я нажал кнопку на рукоятке. Арт смотрел во все глаза. Впрочем, глаза из стекловидного пластика, приклеенные к лицу, у него и не закрывались. И все же сейчас его взгляд был особенным. Арт волновался.

«КЛЯНУСЬ, я буду острожен!»

И я передал ему нож. Арт сложил его, разложил, нажал на кнопку, содрогнулся, уставившись на сверкающую сталь в своей ручонке, и вдруг метнул нож в стену. Конечно, острием не попал. Для этого нужна практика – а откуда ей взяться? – а еще координация движений, которой ему, честно говоря, было не видать как своих ушей. Нож отлетел обратно к Арту, который взмыл в воздух настолько стремительно, будто на секунду выскочил из собственного тела.

Подпрыгнув, я отлепил Арта от потолка, и он написал:

«Ты прав, глупо даже пытаться. Я – полное ничтожество, неудачник».

– Что и требовалось доказать, – в шутку подтвердил я.

Арт – ничтожество, Арт – неудачник? Если честно – нет. Настоящим неудачником я назвал бы своего отца, а ничтожествами – наших одноклассников. А мой друг… Он просто был не таким как все. Искренним. Всем желал угодить.

Полагаю, я дружил с самым безобидным человеком на свете. Такой и мухи не обидит – просто физически не сможет. Прихлопнет, бывало, гудящую тварь, поднимет ладошку, а муха вновь жужжит, цела и невредима. Такого разве что со святыми из Библии сравнишь – с теми, что исцеляют больных и увечных, возложив руку на больное место. Ну, вы тоже читали эти истории. Подобные люди долго не живут: ничтожества и лузеры так и норовят ткнуть святого ножичком да посмотреть, как отлетит его душа.

Имелась у Арта такая особенность – пацаны не могли справиться с желанием хорошенько дать ему под зад. Его родители недавно переехали в наш город, так что в школе мой друг был новичком. Кстати, мама и папа у него самые обычные, из плоти и крови. У Арта же проявилась какая-то генетическая патология, из тех, что дают о себе знать через много поколений. Ну, вроде наследственного идиотизма. Приятель как-то рассказывал о своем двоюродном дедушке – тот тоже был надувным. Этот самый дед однажды прыгнул на кучу палой листвы и лопнул, напоровшись на зубец забытых в куче граблей.

В первый день учебного года миссис Гэннон вывела Арта к своему столу и представила одноклассникам, а он стоял, застенчиво потупившись.

Арт был белым. Я не о расе. Он был действительно белоснежным, словно зефир или, допустим, Каспер. По бокам его головы проходили швы, спускаясь на тело, а в подмышке скрывался пластмассовый ниппель для подкачки.

Миссис Гэннон предупредила ребят, что следует проявлять осторожность – не бегать по классу с ножницами или ручками без колпачка, поскольку любой прокол может погубить их нового товарища. Разговаривать он не умел, так что и к этому недостатку следовало подходить со всей возможной деликатностью. Арт увлекался астронавтикой, фотографией и романами Бернарда Маламуда.

Легонько сжав плечо нового ученика, миссис Гэннон подтолкнула его к партам. Арт тихо свистнул – иные звуки ему не давались; правда, наклоняясь в разные стороны, он мог выжать из своего тела что-то вроде короткого писка. А если осторожно сдавить ему руку или плечо, можно было добиться мягкого мелодичного гудка.

Подпрыгивая, словно мяч, Арт прошел между партами и занял свободное место рядом со мной. Билли Спирс, сидевший сзади, все утро развлекался, кидая ему в голову чертежные кнопки. Сперва Арт делал вид, что ничего не замечает, а потом, когда миссис Гэннон отвернулась, написал Билли записку:

«ПОЖАЛУЙСТА, ПРЕКРАТИ! Я не хочу жаловаться учительнице, но это небезопасно – кроме шуток».

Билли тут же кинул на нашу парту ответ на обороте бумажки:

«Только попробуй, и я от тебя даже кусочка на заплатку для шины не оставлю, понял?»

На этом беды Арта не кончились. На практическом занятии по биологии его посадили со второгодником Кассиусом Деламитри, угрюмым жердяем с неприятной жидкой порослью черных волосков над вечно искривленным ртом.

Нам дали задание выполнить сухую перегонку древесины, для чего требовалась газовая горелка. Кассиус работал, а надувной мальчик писал ободряющие записки:

«Поверить не могу, что ты получил в прошлом году трояк за этот эксперимент! По-моему, тебе в этом просто нет равных!»

И еще:

«Родители подарили мне на день рождения игрушечный набор для лабораторных работ. Хочешь – приходи, поиграем в ученых!»

Получив три или четыре подобных записки, Кассиус решил, что новенький – гомик; особенно потрясло его предложение Арта сыграть в доктора и пациента. Едва учитель отвлекся, помогая другим ученикам, как Кассиус запихнул напарника под стол и под скрип Артова тела обмотал его конечности вокруг ножки, завязав их узлом. Через некоторое время мистер Милтон спросил, куда делся Арт, и Кассиус соврал, что тот вышел по малой надобности.

– Правда? – удивился учитель. – Ну слава богу! Я и не думал, что подобному ребенку может потребоваться туалет.

На переменке Арта подловил Джон Эриксон, написав ему на животе несмываемым маркером: «Кала́приемник». Надпись сошла только к весне.

«Самое паршивое, что мама увидела. Не хотел, чтобы она знала, как со мной обращаются в школе. Ее очень расстроила ошибка в надписи», – посетовал Арт. Подумав, он продолжил: – «Не знаю, чего она ожидала – в конце концов, это шестой класс. Наверное, мама забыла, что это такое. Надо смотреть правде в глаза: допустим, я попадусь отличнику по правописанию – каковы шансы, что он обойдется со мной иначе?»

– Судя по тому, как все продвигается, – шансы невелики, – кивнул я.

* * *

Подружились мы так. В школе я всячески поддерживал репутацию малолетнего правонарушителя, может, даже наркодилера. Специально одевался в черную джинсовую куртку, ни с кем особо не общался и друзей не заводил. На переменах обычно залезал на самый верх школьного турника и сидел там в одиночку, почитывая спортивные журналы. Турник, изгибавшийся широкой дугой, находился на краю асфальтированной площадки, и обзор с него был отличный. Как-то раз, я заметил сверху Билли Спирса, крутившегося неподалеку в компании Кассиуса Деламитри и Джона Эриксона. Ребята взяли с собой биту и по очереди пытались запулить бейсбольный мяч в открытое окно третьего этажа. Минут пятнадцать прошло в неудачных попытках, а потом Джону все-таки удался меткий удар.

– Черт, пропал мяч, – буркнул Кассиус.

– Эй, – крикнул Билли, – смотри-ка, Арт идет!

Троица мигом нагнала пытавшегося сбежать надувного мальчика, и Билли, схватив Арта, подкинул его над головой, норовя засветить по нему битой. Хотел посмотреть, насколько далеко удастся его выбить. Каждый раз, когда он попадал по телу Арта, раздавался глухой звук – «Фоп!». Арт взмывал в воздух и, пролетев пару-тройку футов, планировал вниз. Едва коснувшись ногами земли, он совершал очередную попытку побега – разумеется, тщетно. Джон и Кассиус потешались, раз за разом вылавливая Арта и пиная его с ноги.

Наконец они допинали надувного мальчика до моего наблюдательного пункта. Арту удалось ненадолго вырваться и забежать под турник. Билли тотчас догнал его, хорошенько вмазал битой под зад, и Арт взлетел вверх. Коснувшись стальных перекладин, он прилип к ним животом. Статическое электричество никак не желало его отпускать, и Билли взвыл:

– Эй, ну-ка сбрось его вниз!

Мне до этой минуты как-то не приходилось сталкиваться с Артом лицом к лицу. Вроде бы ходили в один класс, а у миссис Гэннон даже сидели за одной партой, а до сих пор не обменялись ни словом. Я задержал взгляд на его невыразительном и все же печальном лице с огромными пластиковыми глазами, и Арт, нащупав свой блокнот, нацарапал записку зеленым мелком:

«Будь что будет, но не мог бы ты уйти? Ненавижу, когда из меня выбивают дерьмо на глазах у зрителей».

– Что он там пишет? – крикнул Билли.

Я медленно отвел взгляд от записки и посмотрел вниз, на пацанов. Странно: я отчетливо чувствовал их запах. Все трое пахли сыростью и кислым вонючим потом. Все люди так пахнут, однако меня чуть не стошнило.

– Зачем вы его достаете?

– Так, решили позабавиться, – ответил Билли.

– Просто интересно, докуда он может взлететь, – объяснил Кассиус. – Не желаешь попробовать? Давай к нам! Забьем его на крышу этой поганой школы!

– Можно поразвлечься еще круче, – процедил я. «Круто поразвлечься» – звучит подходяще, если хочешь произвести впечатление больного психопата. – Давай посмотрим, удастся ли мне зафитилить твою жирную задницу на эту поганую крышу.

– Эй, в чем дело? У тебя не месячные, часом? – усмехнулся Билли.

Схватив Арта, я спрыгнул вниз, и Кассиус слегка побледнел. Джон отскочил назад.

– Вы просто уроды, парни, – бросил я, держа надувного мальчика под мышкой, так что этим придуркам были видны лишь его пятки.

Бывают такие минуты, когда уже не до шуток.

Я двинулся прочь, слегка вжав голову в плечи при мысли, что бита вот-вот опустится мне на макушку, однако Билли позволил нам уйти без приключений.

Мы вышли на бейсбольное поле и расположились в круге подачи. Арт написал «спасибо» и добавил, что мне не стоило вмешиваться, хотя он и счастлив до невозможности. Еще сделал приписку, что он – мой должник. Прочитав, я запихал листочки в карман – сам не знаю зачем.

Перед сном вытащил из куртки комок бумаги размером с лимон, разгладил каждую записку и, разложив их на кровати, перечитал еще раз. Почему я их не выбросил? Не выбросил – и все. Начал собирать коллекцию, будто знал в глубине души: Арт рано или поздно уйдет, поэтому следует сохранить хоть что-то на память. В течение следующего года записок набралось несколько сотен. Среди них были совсем короткие – на пару слов, встречались и длиннющие сочинения листов на пять. До сих пор храню почти все – с той самой, первой: *«Будь что будет…»* и до последней: *«Хочу увидеть, действительно ли в небе открывается выход».*

* * *

Отцу Арт сперва пришелся не по душе, а когда он узнал моего приятеля ближе – вообще его возненавидел.

– Что это у него за походка такая? Он что, голубой, твой дружок? – осведомился отец.

– Он надувной, папа.

– А ведет себя как гомик. Я бы не советовал тебе уединяться с ним в спальне.

Арт очень хотел понравиться отцу и всячески пытался наладить с ним отношения, однако папа его просто не понимал. Что Арт ни скажет – все не так. Как-то отец рассказывал о любимом фильме, а Арт написал ему, что книга даже лучше.

– Похоже, он считает меня неграмотным, – обиделся отец.

Другой раз Арт приметил у нашего гаража кучу старых покрышек и рассказал отцу о программе переработки резины: привозишь в «Сирс» изношенные шины и получаешь двадцать процентов скидки на новые.

– Решил, что мы никчемные голодранцы? – нажаловался мне папа, как только Арт отошел. – Тоже мне, сопляк!

Однажды мы с Артом вернулись из школы. Отец сидел в гостиной перед телевизором, а у его ног расположился питбуль. Пес немедленно вскочил, заливаясь истерическим лаем, и прыгнул на Арта, с противным скрипом пропахав когтем по целлулоидной груди. Арт, схватив

меня за руку, подскочил до потолка. В случае опасности прыжочек у него был что надо. Он уцепился за лопасть выключенного вентилятора и повис над беснующимся внизу питбулем.

– Что это еще такое, черт возьми? – крикнул я.

– Домашняя собака, – отозвался отец. – Ты ведь всегда хотел собаку.

– Только не такую, которая жрет моих друзей!

– А ну-ка слезай с вентилятора, Арти! Он для этого не предназначен.

– Это не собака, – продолжал возмущаться я, – а самый настоящий блендер с клыками!

– Сам придумаешь ему имя или мне доверишь? – хмыкнул отец.

Мы с Артом укрылись в спальне и занялись обсуждением собачьих кличек.

– Снежинка, – предложил я. – Светляк, Пупс.

«А если Счастливчик? Звучит неплохо, как считаешь?»

Конечно, мы дурачились, а вот Счастливчик шутить был не намерен. За неделю Арт трижды подвергался смертельной опасности, сталкиваясь со злющим псом.

«Если он пустит в ход зубы – мне конец. Понаделает дырок…»

К дому питбуль так и не привык – везде оставлял почти невидимые на пушистом коричневом ковре сюрпризы. Как-то раз папа вляпался босой ногой в свежую кучку. О, в каком он был гневе! Гонялся за псом по всему дому с молотком для крокета, пробил дыру в стене и, хорошенько размахнувшись, переколотил несколько тарелок на кухне.

На следующий день мы устроили во дворе специальный загон, куда и переехал Счастливчик, посаженный на длинную цепь.

Арт стал бояться к нам заходить, предпочитая приглашать меня в гости. Я не видел в таких походах особого смысла – далековато. Мой-то дом совсем рядом со школой – прямо за углом.

– Что ты переживаешь? – удивлялся я. – Пес в загоне. Вряд ли он сообразит, как открывается дверца.

Да-да, Арт понимал, и все же… Если вдруг он и заглядывал к нам на минуту-другую, то обязательно приносил с собой пару заплаток для велосипедных шин. Так, на всякий пожарный.

С другой стороны, зачастив в гости к Арту, я стал задумываться: а чем, собственно, было лучше встречаться у нас? Приноровившись совершать долгие прогулки, я постепенно забыл, что поначалу считал эту дорогу бесконечной. Даже, можно сказать, предвкушал, как пройдусь по извилистым улочкам пригорода мимо коттеджей, раскрашенных в цвета диснеевских мультиков – лимонные, бирюзовые, оранжевые. Продвигаясь от своего дома к жилищу Арта, я попадал в другую страну, где царили порядок и глубокое спокойствие, а в самом центре этого островка стоял коттедж Ротов.

Арт не мог ни бегать, ни говорить, боялся каждого острого угла, и все же мы находили чем заняться. Во-первых, смотрели телевизор. Я, в отличие от других детей, о телевидении знал очень мало. Отец – я уже рассказывал – страдал от жестоких мигреней и, находясь на пенсии по инвалидности, целыми днями просиживал в гостиной. Так что телевизор был занят с утра до вечера – папа смотрел не меньше пяти сериалов в день. Я боялся его побеспокоить и компанию ему составлял крайне редко – зачем отвлекать отца? Ему не до меня.

Арт говорил, что с удовольствием согласится на любую интересующую меня программу. А я никак не мог совладать с пультом дистанционного управления, да и передачу выбрать затруднялся – совсем потерял навык. Приятель был фанатом НАСА, так что мы смотрели все, что связано с космосом. Ни одного запуска космического челнока не пропустили. Арт писал: «Хочу стать космонавтом. Приспособиться к невесомости – не проблема, я и так почти ничего не вешу».

В то время закрутился проект с Международной космической станцией. По телевизору говорили, что человек не готов надолго уходить в космос – у космонавтов атрофируются мышцы, а объем сердца уменьшается аж в три раза.

«Видишь, я набираю один плюс за другим: мышц у меня нет, атрофироваться нечему. И сердца нет. Говорю же: я – ИДЕАЛЬНЫЙ КОСМОНАВТ, на орбите буду чувствовать себя как дома».

– Я знаю, кто тебе поможет. Хочешь, позвоню Билли Спирсу? Он наверняка найдет ракету, чтобы воткнуть тебе в задницу. Он даже вроде что-то такое планировал.

Арт одарил меня мрачным взглядом и запиской из двух слов.

Лежать у Арта перед телеэкраном мне нравилось, однако не всегда нам предоставлялась такая возможность. Его отец давал детям уроки игры на пианино, стоявшем в гостиной. Если начиналось занятие, мы перемещались в спальню Арта – включали компьютерные игры. Звукоизоляция в доме была не ахти, и через двадцать минут, наслушавшись неумелых звонких аккордов на тему «Лодка-лодочка плывет», мы бросали друг на друга очумелые взгляды и без лишних разговоров выпрыгивали в окно.

Мама Арта тоже оказалась музыкантом, играла на виолончели. Они и сына хотели отдать в музыкальную школу, однако ничего, кроме большого разочарования, из этой затеи не вышло. Арт как-то поделился со мной:

«Я даже на дудке сыграть не смогу».

Пианино исключалось – у Арта на руках был только большой палец, а пухлая подушечка ладони для клавиш не годилась. С такими ручками ему потребовались годы тренировок с наставником, чтобы обучиться хотя бы разборчиво писать мелком. Духовые инструменты по очевидным причинам также не обсуждались: легкие у Арта отсутствовали. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Пробовали ударные, однако на них у Арта не хватало силенок.

В итоге мать купила ему цифровую видеокамеру.

– Будешь заниматься цветомузыкой, – предложила она. – Цвет тоже рождает мелодии.

Миссис Рот умела мыслить нестандартно. Она любила поговорить о единении с природой, о благородстве, присущем деревьям, и заявляла, что во всем мире лишь единицы способны испытать благодарность к скошенной траве за ее свежий аромат. Арт рассказывал, что мать несколько раз спрашивала его обо мне – переживала, что у меня нет возможности для творческого самовыражения, настаивала, что мне необходима духовная пища. Миссис Рот подарила мне книжку об оригами – просто так, даже не на день рождения.

– Не подозревал, что мое внутреннее «я» требует пищи, – пошутил я в разговоре с Артом.

«Оно тихо скончалось от голода», – написал в ответ приятель.

Его мать была обеспокоена, что я не испытываю тяги к религии. Отец никогда не водил меня на службу, воскресную школу я тоже не посещал. Папа придерживался мнения, что религия – самое настоящее надувательство. Миссис Рот была слишком хорошо воспитана, чтобы делать замечания о взглядах моего отца, однако наедине с Артом давала себе волю, а тот передавал ее слова мне. Так вот, его мать говорила, что, если отец не уделяет внимания ни физическому, ни духовному развитию сына, то его место – в тюрьме, а мое – в приемной семье. Она, кстати, не возражала в таком случае стать мне приемной мамой и выделить для нового сына гостевую спальню. Я любил миссис Рот. Каждый раз, когда она спрашивала, не хочу ли я лимонаду, сердце мое на миг учащало свой ритм. Все бы для нее сделал, любую просьбу выполнил.

– Твоя мама – просто чокнутая, – сказал я Арту. – Сумасшедшая, каких поискать, и ты не хуже меня об этом знаешь. Какое еще единение? Каждый человек живет для себя. Любой, кто считает, что все люди – духовные братья, закончит тем, что окажется под толстой задницей Кассиуса Деламитри, вдыхая вонь его яиц.

Миссис Рот желала сводить меня в синагогу. Дело было не в обращении – просто ей хотелось, чтобы я получил новый жизненный опыт, впитал новую культуру и все такое прочее. Слава богу, отец Арта ее осадил, сказав – ни в коем случае, не наше это дело, не сходи с ума, дорогая. Кстати, у миссис Рот на бампере машины красовалась наклейка со звездой Давида и надписью «Горжусь!».

– Итак, Арт, – как-то сказал я, – у меня к тебе еврейский вопрос: твои родители – фанатичные евреи, верно?

«Не сказал бы, что мы ФАНАТИЧНЫ. На самом деле – довольно умеренны. Конечно, мы ходим в синагогу, соблюдаем еврейские праздники и все такое».

– Говорят, евреям обязательно обрезают конец, – заметил я, положив руку на ширинку, – вроде как религия требует. А скажи-ка…

Арт уже что-то строчил в блокноте.

«Я проскочил. Родители дружили с одним прогрессивным раввином и, как только я появился на свет, обсудили с ним этот вопрос. Хотели выяснить официальную позицию».

– А он что?

«Сказал, что допускаются исключения для тех, кто во время обрезания может лопнуть. Родители сперва решили, что раввин шутит, а потом мама провела небольшое исследование и поняла, что я и так чист – если рассуждать понятиями Талмуда. Ведь крайняя плоть, как ни крути – это кожа. А если не кожа, значит, и обрезать не надо».

– Забавно, – удивился я. – Даже не думал, что твоя мама имеет представление, что такое член. А она, выходит, эксперт. Попал я пальцем в небо… Знаешь, если ей захочется продолжить исследования, у меня для нее есть любопытный экземпляр.

Арт написал в ответ, что придется маме запастись микроскопом, а я сказал – нет, ей придется отойти на несколько ярдов, если я расстегну штаны, ну и все в таком вот духе. В общем, сами понимаете, какой у нас был разговор. Подкалывал потом Арта насчет его мамы при каждом удобном случае – не мог удержаться. Стоило ей выйти из комнаты, как я шептал, что его старушка сохранила весьма симпатичную задницу. Как Арт смотрит на то, что я на ней женюсь, когда его папа сыграет в ящик? Надо отдать Арту должное – он по поводу моего папы не прошелся ни разу. Если приятелю уж очень хотелось меня уязвить, он подшучивал над тем, как я облизываю пальцы после еды или порой надеваю носки разного цвета. Понятно, почему Арт ни словом не обмолвился о моем отце, позволяя мне прикалываться по поводу его мамы. Если твой друг урод – то есть настоящий урод, калека, – вряд ли вы станете при нем хохмить насчет кривых зеркал. Мальчишеская дружба – такая штука, которая кое-что допускает: например, если отпустишь обидную шутку – ничего страшного не случится. В принципе, никто и не ждет, что ты будешь соблюдать этикет. Другое дело, что границы переходить нельзя. Никогда, ни при каких обстоятельствах ты не должен нанести другу рану, от которой у него на душе останется шрам.

Домашние задания мы в основном делали дома у Арта. Начинали вечером, удаляясь в его спальню. Рот-старший к тому времени уже выпроваживал своих учеников, и надоедливое «плинк-плинк» нас больше не отвлекало. Мне нравилось заниматься в комнате приятеля. Тишина, множество книг – стены спальни были увешаны книжными полками. Приятно было учить уроки вместе, хотя именно в это время, в тишине и покое, Арт и заводил разговоры о смерти. Меня эта тема угнетала.

Я всегда старался направить беседу в другое русло, однако Арт – скользкий как уж – выкручивался, находя повод для своих рассуждений в чем угодно.

– Знаешь, что число «ноль» открыли арабы? – говорил я. – Странно, что раньше об этом никто не задумывался.

«Ноль не очевиден – как может пустота играть какую-то роль? Ее нельзя измерить, нельзя увидеть, а все же она существует и имеет значение. То же самое и с душой, если вдуматься».

Другой раз мы отвечали на вопросы научной викторины.

– Энергию нельзя уничтожить. Она может лишь перейти в иную форму. Верно или нет?

«Надеюсь, что верно – это ведь отличный аргумент в пользу загробной жизни, пусть даже ты и превращаешься после смерти в нечто совсем иное».

О смерти Арт рассказывал много, размышляя о том, что ждет человека в потустороннем мире. Больше всего мне запомнились его слова о Марсе. Мы как раз делали совместную презентацию, и тему Марса предложил Арт, задавшись вопросом: доберется ли человек до Красной планеты, попытается ли ее освоить? Приятель выступал за колонизацию Марса, фантазируя о городах под пластиковыми куполами и о добыче воды из скважин во льду. Ему хотелось на Марс.

– Рассуждать-то об этом занятно, – возразил я. – Только на самом деле там ведь полный отстой. Пыль, холодина, сплошная краснота – так и ослепнуть недолго. Посмотришь на эту жуть – никакой колонизации не захочется.

Арт долго не сводил с меня глаз, потом, склонившись над блокнотом, нацарапал несколько слов голубым, как яичко малиновки, мелком.

«А мне деваться некуда. Иногда у тебя нет выбора».

И продолжил:

«Космонавтом становишься независимо от своего желания. Оставляешь позади прежнюю жизнь, направляясь к мирам, о которых понятия не имеешь. Таковы условия сделки».

* * *

Весной Арт придумал новую игру и назвал ее «Спутник-шпион». В городе был один магазинчик – «Все для вечеринок», где за четвертак продавали большой набор шаров, накачанных гелием. Я приобретал шарики, потом мы встречались с Артом. Тот брал с собой цифровую камеру.

Забрав у меня шары, он тут же отрывался от земли. Чем выше Арт поднимался, тем дальше относил его ветер. Наконец он решал, что набрал достаточную высоту и, отпустив парочку шариков, зависал в воздухе, щелкая камерой. Наступала пора снижаться, и Арт избавлялся еще от нескольких шаров. Я встречал его у места посадки, и мы бежали домой – рассматривать фотографии на его ноутбуке. В кадр попадало много всякой всячины: люди, плавающие в бассейнах, хозяева, перестилающие черепицу на крыше, я, бегущий по пустой улице, задрав голову вверх… С такой высоты лицо мое казалось просто крошечной коричневой точкой. Внизу каждого снимка красовались болтающиеся кроссовки Арта.

Некоторые фотографии приятель делал, находясь уже почти над землей, и эти кадры были лучшими из всех. Однажды он взял три шарика и взмыл в воздух над загоном Счастливчика. Пес провел целый день за забором, бешено гавкая на всех подряд: ему не нравились проходящие мимо женщины с колясками, грузовики с мороженым, белки… Он взрыхлил землю так, что та превратилась в жидкую грязь. Кругом лежали засохшие кучки, а в самом центре украшенного какашками участка красовался сам Счастливчик. На каждом фото пес, разинув розовую пасть, вставал на задние лапы в попытке вцепиться в кроссовки Арта.

«Я расстроен. Тяжело жить в таком ужасном месте».

– Чем ты думаешь – головой или задницей? – ухмыльнулся я. – Если такую тварь выпустить на волю, она загадит весь мир. Его больше ничего не интересует. Грязный кусок земли вперемешку с дерьмом – для него самый настоящий оазис.

«АБСОЛЮТНО не согласен».

Мнение Арта ничего не меняло. Я был твердо уверен, что злобные создания типа Счастливчика (не только собаки, но и некоторые люди), даже вырвавшись из клетки, все равно желают вернуться в свой идеальный мир, состоящий из грязи и дерьма. В их мире не будет ни Арта, ни бесед о книгах, религии и иных мирах. Ничего там не будет, кроме истерического лая голодных, исполненных ненависти псин.

* * *

В субботу в середине апреля отец разбудил меня, распахнув дверь спальни.

– Через полчаса тебя ждет стоматолог, – буркнул он, швырнув кроссовки прямо в кровать. – Давай, бери ноги в руки.

Кабинет дантиста был недалеко, и я прогулялся пешком. Прождав минут двадцать в скучной приемной, вспомнил, что обещал Арту явиться, как только проснусь. Администратор разрешила мне воспользоваться ее телефоном.

Ответила миссис Рот:

– Арт только что пошел к тебе.

Я позвонил отцу.

– Я его не видел, – сказал тот.

– Поглядывай на улицу, пожалуйста.

– Голова болит просто невыносимо. Арт умеет пользоваться дверным звонком.

Разинув рот в стоматологическом кресле, я дергался и нервничал, ощущая в горле привкус крови и мяты. Наверное, не доверял отцу. Как он встретит Арта? Медсестра тронула меня за плечо, попросив расслабиться.

Наконец пытка закончилась, и я вышел на улицу, где на меня обрушилась глубокая синева неба, на миг сбив с толку. Солнце палило беспощадно, заставляя жмуриться. Встал я уже пару часов назад, но соображал туго, словно не до конца проснулся. Постояв, двинулся легкой трусцой к дому.

Подходя ко двору, сразу заметил, что Счастливчик вырвался из загона. Пес даже не гавкнул. Развалившись на брюхе, он положил голову между лап, наблюдая сонными глазками за моим приближением. Через секунду питбуль снова сомкнул веки. Дверь загона была нараспашку.

Услышав слабое похлопывание, я испугался: что там у пса под брюхом, не куски ли целлулоида? Осмотревшись, заметил Арта на заднем сиденье папиного минивэна. Приятель стучал в стекло надувными ладошками, и я метнулся к машине. Стоило мне открыть дверцу, как Счастливчик взвился с травы, разразившись бессмысленным лаем. Я подхватил Арта на руки и, развернувшись, бросился прочь. Питбуль догнал, вцепился клыками в развевающуюся на ветру штанину, и до моих ушей донесся липкий звук рвущейся плоти.

Мне удалось вырваться со двора, и я бежал, хромая, пока не закололо в боку. Счастливчик отстал – как-никак, мы с Артом оставили за спиной целых шесть кварталов и наконец приземлились в чужом дворе. Выяснилось, что пес распахал мне ногу от колена до щиколотки, однако в первую очередь я осмотрел приятеля. Зрелище не из лучших… У меня перехватило дух, и из горла вырвался тонкий писк – наподобие звуков, что обычно издавал Арт.

Еще недавно зефирно-белое тельце потемнело, приобретя коричневатый оттенок, словно зефир слегка поджарили на сковородке. Похоже, Арт потерял половину воздуха, и его голова вяло свисала на грудь.

* * *

Он пересекал лужайку перед нашим домом, когда Счастливчик вырвался из засады под изгородью. Положение было аховым: Арт понимал, что убежать не сумеет – попытка побега лишь привела бы к множественным ранениям, и он запрыгнул в отцовский минивэн, захлопнув за собой дверцу.

Окна опускались только при включенном зажигании, дверцу Арт открыть тоже не мог – Счастливчик тут же пытался втиснуть в щель оскаленную морду. На улице было градусов

двадцать, а в душном салоне – все сорок, и Арт в ужасе наблюдал, как питбуль разлегся в травке у машины, вознамерившись его подкараулить.

Арт сидел. Счастливчик лежал. Где-то вдали жужжали газонокосилки. Время шло, и мой приятель начал слабеть от невыносимой жары. В голове у него помутилось; целлулоидная кожа начала липнуть к сиденью.

«Потом я увидел тебя. Ты спас мне жизнь!»

Нет, я пришел слишком поздно. В глазах у меня все поплыло; на блокнотик Арта капнула крупная слеза.

Арт уже не был прежним. Его кожа так и осталась призрачно-желтой, появились проблемы с внутренним давлением. Родители регулярно подкачивали сына, и на какое-то время кислород приносил ему облегчение, однако потом его тело вновь становилось обмякшим и рыхлым. Доктор, глянув на него, сообщил родителям, что не стоит откладывать поездку в Диснейленд на следующий год.

Я и сам не мог оправиться. Не хотел есть, страдал внезапными коликами в животе, хандрил – словом, был несчастен.

– Сделай лицо попроще, – предложил мне отец за ужином. – Жизнь продолжается, что было – то прошло.

Прошло? Калитка в загоне Счастливчика сама открыться не могла. Я проткнул колеса машины, оставив рядом свой складной ножик, чтобы отец знал, кто это сделал. Папа вызвал полицию, и они дружно прикинулись, что хотят меня арестовать, – кинули в патрульную машину и некоторое время учили уму-разуму. Потом заявили, что отвезут домой, если пообещаю наконец прийти в себя. На следующий день я запер Счастливчика в минивэне, и пес наделал на водительское сиденье. Отец собрал все книжки, которые Арт заставил меня прочесть – Бернарда Маламуда, Рэя Брэдбери, Исаака Башевис-Зингера – и сжег их в мангале.

– Ну, что теперь скажешь, умник? – бормотал он, поливая книжки составом для розжига.

– Ничего. Я брал их на твою библиотечную карточку.

* * *

В то лето я часто ходил к Арту с ночевкой.

«Не сердись. Никто не виноват», – написал приятель.

– У тебя, похоже, задница вместо головы, – буркнул я и заплакал, глядя на надувного друга.

Арт прислал мне весточку в конце августа, назначив встречу в Скарсвел-Кав – в четырех милях от дома. Дорога шла по холмам, но мне расстояние было нипочем – так натренировался за время ежедневных прогулок до дома Арта. По просьбе друга я захватил побольше воздушных шариков.

Скарсвел-Кав – уединенное местечко с каменистым берегом, куда люди порой приезжают полюбоваться прибоем или порыбачить. На этот раз здесь было почти пусто – лишь пара старых рыбаков да сидящий на гальке Арт. Его тело обмякло, обвисло; голова клонилась вперед, слабо болтаясь на отсутствующей шее. Я присел рядом. В полумиле от берега бушевали волны, пенясь ледяными гребнями.

– Что случилось? – спросил я.

Арт, немного подумав, взялся за мелок.

«Слышал, что люди выходили в открытый космос без всяких ракет? Чак Йегер как-то загнал реактивный самолет в такую высь, что тот стал падать. Только падал он не вниз, а ВВЕРХ – земное притяжение там уже не действовало, так что самолет вывалился из стратосферы. Он говорит, что небо мигом утратило цвет – будто в голубом бумажном листе прожгли дыру, и за ней была сплошная чернота и миллион звезд. Упасть вверх… Только представь себе!»

Я перевел взгляд с блокнота на его лицо, но Арт снова писал. Вторая записка была куда короче:

«Со мной кончено. Серьезно. Сдуваюсь по 15–16 раз за день. Меня уже нужно подкачивать каждый час. Мне постоянно дурно – ненавижу это состояние. Это не жизнь».

– Арт, замолчи, – пробормотал я. На глаза навернулись слезы, потекли по щекам. – Все наладится.

«Боюсь, что не наладится. Вопрос не в том, умру ли я, а в том, где это случится. Я решился. Хочу проверить, на какую высоту мне удастся взлететь. Хочу увидеть, действительно ли в небе откроется выход».

Я что-то еще ему говорил. Много говорил. Просил отказаться от плана, не оставлять меня. Говорил, что это нечестно, что я одинок, а он – мой единственный друг. Говорил, пока не захлебнулся в бесплодных слезах, а он обнял меня сморщенными целлулоидными ручонками и держал, пока я прятал голову у него на груди.

Арт забрал у меня воздушные шарики, примотав их к своей кисти, а я взял его за другую руку, и мы пошли к кромке воды. Плеснувшая у берега волна промочила мне кроссовки. Вода была такой холодной, что у меня заныли кости. Я поднял Арта на руки и сжимал в объятиях, пока надувной мальчик не пискнул от боли. Мы еще долго обнимались, а потом я разжал руки. Отпустил его. Надеюсь, в ином мире (если он и вправду есть) нас не станут строго судить за проступки – во всяком случае, простят за те грехи, причиной которых стала любовь. Наверное, отпустить такого друга – это тоже грех.

Арт взлетел, и воздушные потоки перевернули его тело, так что он смотрел на меня, поднимаясь над волнами. Рука с привязанными к ней шариками устремилась к небу, а голова друга задумчиво склонилась, словно он напоследок внимательно меня разглядывал.

Я сел на гальку. Смотрел, как он улетает. Смотрел, пока Арт не превратился в маленькое пятнышко между чаек, кружащих и ныряющих за рыбой в нескольких милях от берега. Наконец от него осталась лишь темная точка среди других блуждающих в небе точек. Я не двигался. Не знал, смогу ли подняться. Через некоторое время горизонт окрасился розовым; небо над головой потемнело. Я лег на спину и вытянулся, наблюдая за звездами, проклюнувшимися сквозь кромешную темноту. Разглядывал их, пока не закружилась голова, пока не появилось чувство, что вот-вот сам оторвусь от земли и упаду в ночь.

У меня развились нарушения в эмоциональной сфере. В начале нового учебного года я не мог сдержать слез при виде пустой парты. Не мог работать в классе, не мог делать домашние задания и в итоге остался на второй год.

Хуже всего, что меня уже не считали опасным парнем. Кто испугается плачущего навзрыд семиклассника? А плакал я нередко. Ножа у меня больше не было – отнял отец.

Билли Спирс как-то раз поколотил меня после уроков: разбил губу и едва не выбил передний зуб. Джон Эриксон, повалив меня на пол, написал у меня на лбу несмываемым маркером: «Кала́приемник». Так и не освоил орфографию. Толстяк Кассиус Деламитри подкараулил меня после школы, сбил наземь и прыгнул на спину, едва не раздавив мне легкие. Вышиб из меня воздух. Арт знает, что это такое.

Ротов я избегал, хотя больше всего на свете хотел повидать мать Арта. Боялся, что при встрече не удержусь от рассказа о последних минутах жизни ее сына, выложу, как стоял у воды, отпустив Арта в небо. Боялся боли и гнева, которые увижу в ее глазах.

* * *

Через шесть месяцев после того, как схлопнувшееся тело Арта нашли у северной оконечности Скарсвел-бич, куда его выбросил прибой, на фасаде дома Ротов появилось объявление: «Продается». Родителей друга я больше не видел. Миссис Рот иногда присылала письма,

спрашивала – как у меня дела, чем занимаюсь… В конце письма она всегда писала: «с любовью». Я ни разу не ответил.

В старшей школе я начал заниматься легкой атлетикой, особенно преуспев в прыжках с шестом. Тренер как-то заметил, что сила притяжения на меня не действует. Что он понимал в притяжении? Как бы высоко я ни взлетал при прыжке, все равно в итоге падал – точно так же, как и все.

Спортивные успехи позволили мне выиграть грант на обучение в колледже. Там меня никто не знал, и мне удалось восстановить репутацию социопата. Вечеринки я не посещал, на свидания не ходил. Знать никого не хотел.

Однажды утром, проходя по студенческому городку, увидел девушку со жгучими черными волосами, отливающими синевой, как насыщенное оливковое масло. На ней был мешковатый свитер и длинная, словно у старой библиотекарши, юбка. И все же… Совершенно непритязательный наряд не мог скрыть потрясающую фигуру со стройными бедрами, высокой спелой грудью и белоснежной, как у Арта, кожей. Ее глаза сверкали прозрачной синевой. Впервые после того, как улетел Арт, я встретил надувного человека. Какой-то парень сзади хищно присвистнул ей вслед. Я остановился, пропустив урода, и дал ему подножку.

– Ты что, псих? – взвизгнул он, собирая разлетевшиеся учебники.

– Самый настоящий, – ответил я.

Девушку звали Рут Голдман. На пятке у нее была круглая резиновая заплатка (в детстве наступила на осколок стекла) и еще одна, побольше, красовалась на левом плече, куда в один из ветреных дней воткнулась острая ветка. Родители оберегали дочь как могли, переведя ее на домашнее обучение, так что дальше несчастья обходили Рут стороной. Мы с ней учились на отделении английской литературы. Любимым ее писателем был Кафка – Рут нравилось его тонкое понимание абсурда. Я увлекался Маламудом, автором, знавшим, что такое настоящее одиночество.

Поженились мы в год окончания колледжа. Я продолжал сомневаться в возможности вечной жизни и все же обратился в ее веру. Дело было не в Рут – просто я наконец поддался неизбывному желанию беседовать с ней на равных о духовном начале. Можно ли считать, что я перекрестился? Не думаю. У меня и веры-то раньше никакой не было. Так или иначе, свадьбу мы справили по еврейским обычаям – с традиционным разбиванием каблуком прикрытого белой тканью бокала.

Однажды я набрался смелости рассказать ей об Арте, и Рут, положив ладошку мне на руку, написала восковым карандашом:

«КАК ПЕЧАЛЬНО… Твой друг прокололся, ему не хватало воздуха?»

– Ему не хватало неба, – ответил я.

Когда поет саранча

Перевод Виталия Тулаева

1

Фрэнсис Кей очнулся от тяжелого волнующего сна и обнаружил, что превратился в насекомое. Удивления не было – он предполагал, что такое может случиться. И не то чтобы предполагал: надеялся и мечтал стать кузнечиком или саранчой – чем-то в этом роде. Какое-то время рассчитывал, что обучится мысленно управлять тараканами, станет повелителем сверкающей жесткими панцирями коричневой орды. Шевельнет пальцем, и стрекочущее стадо вступит в бой за своего властелина. Был и другой вариант: Фрэнсис, подобно кинематографическому герою Винсента Прайса, преобразится частично. Отрастит голову мухи с мерзкими черными щетинками, и в его выпученных фасеточных глазах отразятся тысячи перепуганных людских лиц.

Человеческая кожа никуда не делась – окутывала его, словно чехол. Четыре из шести новых ножек уже пробились сквозь влажную серую плоть – его прежнюю оболочку, покрытую вонючими прыщами и многочисленными родинками. Фрэнсис возбудился при виде отслоившейся, отвергнутой новым телом кожи. Черт бы с ней! Проснулся он на спине, и его суставчатые, выгнутые назад ножки беспомощно болтались в воздухе. Конечности были закованы в сверкающие металлическим зеленым блеском доспехи. Броня, словно гладкое хромированное покрытие, отражала падающий из окна солнечный свет, и по ней бежали рожденные больным воображением радужные брызги. На бывших руках выросли изогнутые крючки из твердой черной эмали, усеянные тысячами острых как бритва волосков.

Фрэнсис еще пребывал в сладкой полудреме и опасался проснуться окончательно: вдруг в голове прояснится, и мечта прикажет долго жить? Прощай тогда желанное тело насекомого. Он снова вернется в прежнюю оболочку. Сон и сон, который переживаешь еще несколько минут после пробуждения… Если его преображение – всего лишь иллюзия, навеянная сновидением, – Фрэнсис не вынесет удара. Школу сегодня точно придется пропустить.

Хотя он так и так планировал прогулять занятия. Прошлый раз Хьюи Честер вообразил, что Фрэнсис бросал на него похотливые взгляды в раздевалке школьного спортзала, и не поленился сходить в туалет. Притащил оттуда клюшку для гольфа с куском дерьма на крюке и швырнул его Фрэнсису в лицо, решив отучить одноклассника заглядываться на мальчиков. Еще пошутил – мол, изобрел новый вид спорта. Ребята даже поспорили в раздевалке, как его назвать, и лучшими вариантами признали «Увернись от какашки» и «Говномет». В тот день Фрэнсис решил для себя: буду держаться подальше от Хьюи, да и от спортзала тоже, а может, и вообще от школы – хотя бы на день-другой.

Когда-то Хьюи неплохо относился к Фрэнсису. Ну, то есть ему доставляло удовольствие показать его приятелям как местную достопримечательность. Фрэнсис ведь был горазд жрать разных жуков. Эта история началась в четвертом классе. На каникулах перед новым учебным годом Фрэнсис некоторое время жил у двоюродной бабки – Риган. У той был трейлер в Тубасити. Бабка обычно подавала к чаю засахаренных кузнечиков. Фрэнсис любил наблюдать, как она готовила десерт: склонялся над булькающей кастрюлей с остро пахнущей патокой, впадая в приятный транс. Кузнечики медленно трепыхались на поверхности варева, а потом тонули. Он обожал засахаренных насекомых, наслаждался их сладким хрустом на зубах и маслянистым привкусом травы. Обожал Риган, мечтая остаться у нее навсегда. Увы, отец в итоге забрал его домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.